

Тофик Касум-оглы
Касумов

Век агрессии

*Чувства и мысли,
поведение
и действия*

Тофик Касумов

**Век агрессии. Чувства
и мысли, поведение и действия**

«Издательские решения»

Касумов Т. К.

Век агрессии. Чувства и мысли, поведение и действия /
Т. К. Касумов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963651-5

Сочетая художественный метод с научным, автор обрисовывает Век агрессии как характерное время полного запуска механизма самопроизводства и развития агрессии. Современная жизнь, её интенсивность ведут к нарастанию выбросов агрессии в мире людей. Как явления действительности эти выбросы затухают, но их агрессивные сущности сохраняются в коллективных сознаниях. Эти сущностные агрессии не извлекаются метафизически, а являются ситуативно, чтобы выразиться в агрессивном поведении.

ISBN 978-5-44-963651-5

© Касумов Т. К.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация книги	6
ВВОДНАЯ ЧАСТЬ	7
Агрессия как таковая и век агрессии	7
1. Образ вечно пребывающей агрессии и обоснование концептуальных представлений о Веке агрессии. Общий путь изысканий – рабочие и аналитические понятия	7
2. Традиционное и новое в проблематике агрессии. О веке агрессии как новой тематической застройке в данной проблематике	21
3. Агрессия и мир людей. От стихийной протоагрессии в древности к веку агрессии как скоплению значимых надличностных сущностей	25
4. Четыре суждения о природной заданности агрессии и основные вехи её типизации	29
5. Классические теории агрессии (З. Фрейд, К. Лоренц и Э. Фромм) и их развитие в психологии и социальной психологии	35
6. Ещё раз об авторском видении: симбиоз художественности и научности. Об интегральности и смыслоагрессии	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Век агрессии

Чувства и мысли, поведение и действия

Тофик Касум-оглы Касумов

© Тофик Касум-оглы Касумов, 2019

ISBN 978-5-4496-3651-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация книги

Монография Касумова Т. К. посвящена агрессии как всеохватному и всеобъемлющему явлению, сопряченному в своей основе злу и враждебности. Показано возрастание и расширение активности агрессии в мире чувств, мыслей и действий. Такую данность во времени, когда во всех сферах жизни смогли возобладать устойчивые механизмы самовоспроизводства агрессии, когда миролюбие стало привычно заглушаться агрессией, автор характеризует как *Век агрессии*. Выдвигается положение, что после выбросов агрессий в жизненные пространства, они сохраняются и оседают в коллективных сознаниях. Как надличностные сущности агрессии они могут возвращаться в реальный мир опытно обогащёнными, в том числе и благодаря СМИ. При этом имеет место возрастание роли социально-биологических факторов и социально-политической причинности.

Для исследования агрессии в совмещённом плане, где опорным является обогащённый социально-психологический план, привлекаются концепты и понятия многих наук. Это, прежде всего, наработки психологии, социальной психологии и философии, а также политической социологии и международного права. Такая многогранность и междисциплинарность исследовательского подхода, вызванная в своей заданности одним объектом, обусловлена множественностью неопорных, видовых оснований, различными способами выражений и последствий агрессии. Она имеет биологическое основание и социально-психологическую детерминированность, а по своим последствиям определяется как социально-политический и правовой акт. Всё это позволяет автору разрабатывать агрессию как интегральное явление, где определяющими являются агрессивные действия, а предпосылками – агрессивные мысли, чувства и внешняя среда. В этих целях вводится также понятие «агрессиум» как некий «сплав», единство социального (агрессивный опыт) и природного (сила инстинкта), который формируется в процессе социализации и развития человека.

В книге показана возрастающая роль агрессии в жизни людей, её криминально-глобалистский характер. Особое внимание привлекается к рассмотрению политической агрессии в противостоянии международному праву.

Книга будет полезна студентам, изучающим поведенческие науки, преподавателям высшей школы и научным сотрудникам.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Агрессия как таковая и век агрессии

*«Пусть длится ночь, пусть опоздает утро.
В объятьях дум сижу я у костра.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро.
Но мудрость друга – выслушать меня!»*

Самед Вургун

*«Агрессия есть современное прочтение зла».
Неизвестный мыслитель*

1. Образ вечно пребывающей агрессии и обоснование концептуальных представлений о Веке агрессии. Общий путь изысканий – рабочие и аналитические понятия

Исследовательская материя агрессии по нашему разумению могла бы быть представлена в двух частях, над которыми уже по праву должны возвышаться классические теории первоходцев. Она, «исследованная агрессия», будет материей, потому что здесь мыслительные процессы (субъективное), воспринимаются опредмеченными в результате объективации. При этом условность и предположительность выбора станут указывать на то, что границы между частями не жёсткие, и что выделенные части «подвижны», они могут пересекаться и взаимно дополнять друг друга. И что объективации субъективности происходили, в том числе, и на границах этих частей. Но вовлекаясь в новые мыслительные процессы объективации подвергаются вновь субъективности, что должно вести к обогащению проблематики агрессии, к постановке и решению новых задач. От того насколько успешно и динамично осуществляются мыслительные процессы «субъективного» и как протекают «объективации» будет зависеть степень работанности проблематики агрессии. Именно так происходит обогащение территории и расширение исследовательской материи агрессии, к чему и мы хотели приложить свои усилия.

Теперь о самих частях. Выделим вначале *фактическую часть*, то, что было исследователями установлено в результате многих экспериментов и опросов, а потом документально «оприходовано» в положениях, «питающих» теории агрессии. Отличительным здесь будет то, что в основе таких действий лежит идея инструментальности, предполагающая разрабатываемую методику, которая позволяет формализованными путями выходить на результаты. Однако сама по себе фактичность результата работает в основном «одиночно» и на короткой дистанции, она в настоящем может объяснять какие – то нюансы, быть может даже далёкие от закономерного в агрессивном поведении. Но эти же россыпи «исследованной агрессии», взятые уже во множестве и под определённым углом, могут говорить не только об устойчивости агрессивного, но также свидетельствовать об активизации изменённых состояний агрессии, связанных с всеохватностью, и в таком качестве представлять интерес для более широких обобщений. Среди авторов внесших вклад в изучение агрессивного с позиций фактичности и документальности, следовало бы выделить американского психолога Леонарда Берковица (1926 – 2016), чьи полевые исследования агрессии получили распространение и стали научным образцом. В его работах фактичность представлена буквально «на каждом шагу», опоясанная теоретическими выкладками. Но превалирует всё же какая – то документальность и сухость изложения.

Берковец педантичен, он во всём желает подтвердиться и быть лаконичным, иногда и умаляя прорывное, то «не фактическое», что также должно присутствовать в теоретических суждениях.

Вторая часть из того, что было определено как «исследовательская материя агрессии», и можно сказать, что исследовательские практики – это, главным образом, *авторские размышления о предмете*, основанные на литературных источниках, но здесь должны быть и собственные взгляды, представления автора, данные в развитии теории агрессии. Сюда отнесём традиционные психологические представления, по большей части осмысленные в философских категориях, и те суждения, которые послужили развитию теории, объяснению актуальных аспектов агрессивного поведения. В этой части следовало бы назвать такого автора как Ролло Мэй (1909 – 1994), видного представителя экзистенциальной психологии. Мэй многокрасочен, его суждения много шире фактичности, которые к тому персонифицированы и наблюдаемы автором лично.

Особый вид исследовательской работы – это написание и подготовка учебной литературы, в которой традиционно устойчивое приветствуется при дозированном изложении нового. Но соавторы книги «Агрессия» Роберт Бэрн и Дебора Ричардсон смогли так удачно сочетать традиционное и новое, фактичность и авторские оценки, что мы решили сказать о них в этой части. Действительно, им удалось систематизировать многие знания по агрессии за длительный период, и не без собственных рассуждений, изложить их в известном в своём учебном пособии. Вот такой мы смогли увидеть исследовательскую материю агрессии в целом и в обеих частях, и кратко обрисовать их задаваемость, то, что уже есть и может нам послужить.

Однако мы также должны будем заметить, что в данных текстах познавательных частей, и в фактической, и построенной на размышлениях, не ставится проблема века агрессии. И не потому, что она не созрела. Ведь сами накопленные знания свидетельствуют об обратном. Они предметны и основательны во многих отношениях, и в том числе могут так или иначе предполагать ответы на вопросы: «как стал возможен Век агрессии», «какие были тому основания и предпосылки», что в коей мере должно быть представлено и в наших дальнейших рассуждениях о Веке агрессии как о реальности. Когда и само понятие «Век агрессии» стало с необходимостью выражать эту реальность как назревшую и актуальную.

Выражать то, что агрессия как крайняя форма проявлений вражды и негатива утвердилась в мире, и что она стала ожидаемой во всех сферах жизни. Без агрессии не обходится никакая политика. Без неё невозможно себе представить и криминал. Агрессия заняла устойчивое место в СМИ и в искусстве. Теперь она во многом занимает человека, когда и сами чувства следуют уже проторённой дорогой к ней, не дожидаясь особого случая. И тогда следует признать, что агрессия смогла также объединить многие чувства, подчинив их себе. И что такая агрессия будет успешно противостоять разумному началу и подавлять мораль. В таком понимании Век агрессии будет о том, что агрессия как утвердившаяся установка по жизни смогла прочно обосноваться в границах человеческих отношений. И что она готова не столько защищать, а сколько нападать. Так, утверждается новый онтологический статус агрессии, в котором она всё более перерастает свою «одноактную» причинность, оставляя её как таковую. Агрессия идёт к реалиям, чтобы стать самодовлеющей, подчиняя в отдаление волю и разумение.

Намечая первоначально такие черты в характеристике Века агрессии, мы станем его обрисовывать как всеобъемлющий объект, доступный познанию отдельными дисциплинами лишь фрагментарно. Ибо такую многомерность можно будет целостно охватить лишь философским взглядом, сущностно, используя при этом психологические, политологические и правовые инструменты. Ведь философ, исходя из очевидного, может и должен постигать высшие смыслы, всесторонне представляя развитие явления. И это будет уже философия о вечно пребывающей агрессии, о её метаморфозах, чреватых рисками для человечества и самой агрессии.

В постижении сущности агрессии могут быть использованы метафорические образы, что также должно способствовать в целом философским пояснениям составляющих века агрессии,

а именно, содействовать выявлению сущностных смыслов чувств и мыслей, поведения и действий. Наш подход будет основываться на этих положениях, что в целом предполагает авторские размышления в области традиционных знаний агрессии, и те суждения, которые могут послужить пониманию метаморфоз агрессии, приведшие к всеохватности и всеилию власти агрессии в мире людей. Но это должно быть и «прорывное» в понимании природы самого Века агрессии, его состояний и что он несёт человечеству.

На этом пути следования следует наметить два основных маршрута, «отправные точки» следования. Это маршрут, ведущий к Веку агрессии, чтобы понять сам процесс вхождения в него. И маршрут на путях прорывного, в объяснении самой природы Века агрессии, отличительных черт и механизмов вековой значимости агрессии.

Итак, что будет отправной точкой размышлений о путях, ведущих к Веку агрессии? Будет ли это всеобъемлющая причинность, делающая агрессию всеохватной, сюда же можно было бы отнести и возобладание устойчивости механизмов самовоспроизводства агрессии, усилившие её самостоятельность и значения в жизни людей. Или это будет устоявшаяся мода на агрессию, как на непомерное возрастание индивидуалистических устремлений в утверждении Я, усвоенная во множестве. Ведь не факт, что мы можем заимствовать сам дух агрессии, её образцы из нашего окружения, из СМИ, фильмов, романов и пр. Так что мода на агрессию как следование тому, что принято и давно в хождении могла бы иметь свой резон.

Но будет ли отправной точкой фактичность агрессии, поддающаяся собственной логике развития? Или это будет сама по себе агрессия, имеющая тенденцию к расширению за счёт своих составляющих: агрессивных чувств, мыслей, действий и поведения? Когда выражающее их слово создаёт бытие агрессивного мира, создаёт агрессивный мир, в основе которого быть может только вражда и разрушение. Поэтому было бы неверно не назвать здесь нависающую над человечеством тотальную агрессию, связанную с применением ядерного оружия во имя амбициозных свершений, и о чём всё настойчивее стали говорить политики, нагнетая непомерные страхи о неизбежности ядерной войны. Таковыми будут отправные точки о путях, ведущих к веку агрессии.

Теперь таким же образом можно попытаться определиться и с тем, что будет отправной точкой размышлений уже о самом веке агрессии, который, судя по всему, наступил. Будет ли это та новая реальность, когда агрессия скорее «ведёт», а не «следует»? Когда агрессия не является только в состоянии аффекта, и не является только по воле субъекта, а в коей мере выступает вместе с субъектом, творящим агрессию. Произойдёт ли это по результатам изменённых состояний агрессии, или такой результат будет связан с сущностями агрессивных явлений, которые длительное время откладывались в мире людей и материализовались как агрессивные сущности? И что именно эти сущности обрели силу воздействий на человека, аккумулировав полноту агрессивных практик и став надличностными сущностями сознания. И что они реальны в своей действительности, а не служат символическими обозначениями. Поэтому в субъективном плане век агрессии следует рассматривать прежде всего как «постижимую реальность» в категориях вражды и зла. Это мир желаний и страха, находящихся под воздействием агрессии. Здесь агрессия ожидаема и проявляется не только сама по себе по ситуации. Она действенна и опытом сознания «как быть агрессивным», что надо «следовать агрессии», где всё это задают по большей части агрессивные сущности. Вот те отправные точки маршрутов, каждая из которых могла бы вывести на предметное размышление о Веке агрессии, размышления о путях, ведущих к нему.

Вместе с тем сразу подчеркнём, что наши размышления не будут связаны с выбором одной отправной точки и в том, и в другом маршруте. Мы полагаем, что все выделенные точки так или иначе находят своё место в актуализации агрессии, а их смешивание, так называемый замес, связан будет уже с глобальным эффектом, свидетельствующим о вхождении в век агрессии. Поэтому на данный момент речь может идти лишь об акцентах, которые нагляднее будет

выявлять и ставить уже в ходе размышлений, а не говорить об этом поначалу. А пока, чтобы начать движение общего теоретического плана, назовём первопроходцев, которые закладывали основы теоретизирования агрессии, сделав возможными в том числе и наши размышления о веке агрессии. Кто они?

Тот, кто хорошо знает литературу по агрессии, знаком с классическими работами, может сразу назвать их, именитых в своих областях теоретиков. Это в первую очередь З. Фрейд (основоположник психоанализа), К. Лоренц (основоположник этологии) и Э. Фромм (основатель неофрейдизма). Их вклад в разработку теории агрессии был во многих отношениях побудительным и отправным. Но и сегодня, когда имеются различные другие теории, они остаются полноправными и действенными участниками исследовательских работ. Ведь новые теории агрессии не могли и не возникают без того, чтобы не вступить с ними в полемику и не обозначить своё отношение к их идеям.

Основной вопрос на который ищут ответ исследователи связан с истоками и причинностью агрессии. Действительно, почему агрессия есть всегда, что её вызывает и обуславливает? В качестве ответа первым делом называют инстинкты и враждебную политику различного рода групп, объединений, сюда входят и государства. За ними следуют изъяны (конфликты) социальной жизни. Имеются также прорывы в изучении организмической причинности (биологических составляющих агрессии) и выявлении генетических особенностей (обуславливающих агрессию наследственно). Мы обобщили и тезисно высказались о наиболее устойчивых представлениях. Попытаемся теперь всё это понять как некую связность эволюционного развития и сжато пересказать опять же в нескольких строках. *И начать обосновывать своё видение природы агрессии как вечно пребывающей и выражающей себя в изменённых состояниях.*

Пращур, древний предок человека, имел необходимое для существования и развития, в том числе и агрессию как инстинкт выживания. И всякий раз борясь с опасностями, имело ли это место при нападении или защите, агрессия могла во имя непосредственно самой жизни, неосознанно (реактивно) задействовать все силы. В такой неизменности агрессия представляла на ранних этапах эволюции. Но по мере нарастания цивилизационных изменений, расширения сознания человека, развития чувств и мыслей, усложнения коллективных форм жизни, агрессия могла активизироваться и усложняться, принимая блуждающий характер. Вот тогда – то при наличии возрастающих интересов и желаний, агрессия стала целенаправленнее окрашивать чувства, пробуждать мысли и придавать действиям разрушительный характер. В таком раскладе инстинкт агрессии мог ослабевать, а сама агрессия выступать уже по большей части как социализированная сила, согласующееся с волей. Агрессия, «вместе с человеком» перемещается из мира, где господствовал хаотичный случай и действовали иррациональные силы в социальный мир, ядром которого является рациональный выбор. Так агрессия, будучи природной составляющей человека, устойчиво предстаёт в социальном мире уже действенной частью зла, наделённой свойствами и чертами личностного порядка.

Здесь социальное в противоположность до социальному, природному, определяет качественно новый уровень в отношениях, когда совместная жизнь людей задаётся набором инстинктов, культурных норм и ценностей, необходимых для сохранения её как целостности. Можно сказать, что в отношении к человеку социальное как целостность выступает материей, которая «окутывает» людей и задаёт им свойства, востребованные обществом. Человек с необходимостью овладевает этими свойствами, чтобы соответствовать общественной жизни. Однако выбор целей и достижительных путей – принадлежат уже человеческой субъективности. Встречающиеся трудности и сложности в пути, их преодоление, могут порождать импульсы агрессивности личностного порядка.

Субъективная агрессивность, обусловлена социальностью, она есть продукт совместной жизни людей, их взаимодействий, в которых утверждается Я человека, достигаются цели, удовлетворяются желания. Эти процессы протекают многопланово и в противостояниях. Они

становятся далеко не безоблачными, когда возникают агрессивные чувства и мысли, ведущие к агрессивным действиям. Как единица агрессивности, личностная агрессия, в отличие от военной (множественной агрессивности), которая осуществляется одним государством в отношении другого государства, имеет место быть в обществе. Такая агрессивность, как правило, бывает характерна для индивидов, но её могут выражать также лидеры группы, состоящие из нескольких человек.

На этом метаморфозы субъективной агрессивности, выражающие сущность агрессии социального порядка, конечно же, не заканчиваются. В дальнейшем о таких метаморфозах мы станем уже обстоятельно говорить в контекстах самой по себе агрессии и как таковой, рассматривая по большей части предпосылки и механизмы зарождения века агрессии.

Однако вопрос в том, можно ли будет с имеющимся багажом знаний и общих представлений, почерпнутых из истории развития агрессии, отправляться в новый путь, связанный с изучением века агрессии? Полагаем, что да, но при условии упорядочения этих знаний на определённый лад и дополнения «багажа» новыми представлениями. Мы нисколько не оспариваем справедливость названных детерминант агрессии и видим в них устойчивые представления и смыслы. Что касается понимания связности и метаморфоз агрессии, то пусть это будет неким ориентиром на нашем пути. Вместе с тем согласимся, что проблематика века агрессии требует иных подходов, связанных с выявлением механизмов, которые обусловили переход агрессии в новые изменённые состояния, характеризующие собою целый век. Как к этому подступиться, с чего начать, а главное, как определить характерное в становлении века агрессии?

Для начала оставим на время проблематику причинности агрессии и сосредоточимся на образе агрессии в целом, чтобы мысленно представить себе как вечность существования агрессии, так и изменённые состояния агрессии. Это должен быть образ – представление, символически олицетворяющий изменённые состояния как непреходимость вечного. Такой образ будет содержать в себе те постижения и смыслы, которые станут говорить о вечности существования агрессии и непреходимости её изменённых состояний в веках. А в своей основе выражать саму разрушительность как ядро агрессии, вобравших черты, которые были устойчивыми во все времена, являясь атрибутом вечного и изменённых состояний.

Здесь устойчивость разрушительного в веках должно говорить о вечном существовании агрессии. Устойчивое же проявление человеком агрессии – свидетельствовать о таком характере как агрессивность. В силу таких представлений говорит то, что человек меняется, изменяется его агрессивность, что не может не вести к изменённым состояниям в целом агрессии, выражающих её место в мире людей. Можно сказать, что агрессия, оставаясь вечностью как данность природы, будет изменяться прежде всего в связях с действиями и поведением людей. Выразить и представить подобное возможно будет лишь в образе «Человек агрессивный», оставляющий место и для предвидения событий, связанных с всевластием агрессивности в век агрессии. Ибо свободное шествие по миру всевластной агрессии чревато тотальными последствиями для человечества. И здесь впору будет говорить о вселенском пожаре.

Во многом подобные постижения, претворяющие агрессивность человека в символах вечной агрессии, мы находим у Освальда Шпенглера (1880 – 1936), автора знаменитого труда «Закат Европы». Шпенглер не входит в число теоретиков агрессии, и у него нет специальных работ в этой области, но ему принадлежит одно образное постижение, которое позволяет извлекать и строить уже соответствующий образ – инструмент. Это, как будет показано, даёт возможность схватывать предметность человеческой агрессии, использовать и развивать её в системе различных знаний, начиная с философии. *Сам же Шпенглер основывался на интуиции и прозрении, когда полагал, что человек, как искра пламени жизни, борется против холода (смерти), и что агрессивность есть его сущность.*

Если согласиться, что такой образ претворяет сущностное, и агрессивность есть сущность человека во все времена, а человек – часть универсального пламени жизни, огонь же понимать

как символ жизни и страсти, то и агрессия будет частью этого пламени. Ведь человеческая агрессивность понятийно и содержательно связана с агрессией как видовое явление с родовым. Отсюда мы можем полагать, что сама агрессия есть сущее, которая является частью бытия, находится, как бы, рядом. И что бытие агрессии есть его явление, агрессия бытийствует, то есть действует в соответствии со своим бытием, внемя причинности и воле, желанию и необходимости. Во всех этих случаях агрессия будет находиться в связях с агрессивностью как сущее с сущностью в аристотелевском смысле, когда сущность рассматривается как ключ к сущему. Но также философы говорят о сущности как субстанциональном ядре сущего. Общим местом здесь можно будет считать то, что сущность есть путь к сущему, что сущность представляет сущее, содержит главное в понимании сущего (то, что и есть сущностное) и даёт возможность его познавать. В таком случае агрессивность (сущность) будет ключом не только к пониманию социализированной (современной) агрессии, но ещё и способствует постижению вечной агрессии как сущего. Сама же агрессивность, если продолжить метафору с ключом, будет иметь четыре «бородки», выступающие как агрессивное чувство, агрессивная мысль, агрессивное действие, агрессивное поведение. Вот в такой связности видится вечная агрессия с социализированной агрессией и её составляющими. О понятийных связях агрессивности с вечно пребывающей агрессией, их интерпретации в развитии и изменённых состояниях говорит образ «Человек агрессивный».

Забегая вперёд отметим, что в век агрессии связи эти усиливаются, в том числе, и за счёт агрессивных сущностей, которые в индивидуальных сознаниях предстают как надличностные сущности. В своей действительности они во многом оттесняют инстинкт агрессии и делают практически даже излишним научение агрессии в семье и соответствующих средах. Человек, впервые совершающий агрессивное деяние всё равно станет действовать умеючи. Ибо надличностные сущности агрессии не столько «внемяют», чтобы являться, а сколько наличествуют в коллективных и индивидуальных сознаниях, готовые ситуативно осуществляться.

Такие надличностные сущности, характеризующие век агрессии, во многом стали «реальностью в головах», благодаря «неустанным усилиям» масмедиа. И здесь же поясним, что агрессивные сущности как сущности второго порядка, производные от выбросов агрессии в мире людей, есть сгустки, которые в своём единстве предстают сцеплениями информативных и эмоциональных следов от агрессивных чувств, мыслей, действий и поведенческих актов (образцов). В сознании людей они преобразуются в надличностные сущности агрессии, которые могут активизировать и направлять агрессивное поведение. Становление и усиление роли надличностных сущностей агрессии в мире людей будет рассматриваться как важная составляющая и характеристика века агрессии.

Далее, продолжая изначальную мысль, отметим, что агрессивность как сущностное в мире людей есть особенное, которая доведена до единичного (агрессивность как свойство личности), в то время как агрессия есть всеобщее, часть бытия. В такой последовательности вырисовывается образ вечно пребывающей агрессии, являющейся далеко не только по необходимости. Пребывающей, потому, что её вечность связана с пребыванием в жизни людей, и складывается из таких элементов как человек, агрессивность и пламя жизни. Здесь огонь – это особая метафора. Мераб Мамардашвили (1930 – 1990) в своих лекциях по античной философии поясняет, что огонь "есть состояние держания мира, усилие; оно пульсирует – исчезает, вновь появляется, поэтому миры мерно сгорают и загораются». Подчеркнём, что огонь исчезает лишь в своих прежних состояниях во вне, а не вообще. Всё это не может не относиться и к изменённым состояниям агрессии. Ибо без «огня жизни» нет агрессии вообще, а без метаморфоз агрессии – нет и «изменённых состояний». Принципиальным будет и другое. Пребывающая совместно с жизнью агрессия усиливается, структурно изменяясь, и это также выражается в том, что она утверждается как важный параметр (величина) характеристики коллективного

сознания. Такой образ может быть объектом обладания ума, а не объектом ощущений.¹ Он постигается и запоминается в связности своих составляющих как некая история в развитии.

Образ вечно пребывающей агрессии как бы находится в подвижке, он каждый раз охватывает изменяющееся в отображаемом объекте, при сохранении сущностных основ жизни. Ибо меняется человек, ширится и растёт пламя жизни, если подразумевать под таковым, цивилизационные изменения и конфликты, а вместе с ними разбирается и расчленяется на многие виды сама агрессия. Но общая идея триединства агрессии сохраняется. Это своеобразный символ, выражающий принцип всеохватности, принцип всеединства, как взаимопроникнутости и разделённости составляющих, и принцип постоянства деструктивного действия в образе вечной агрессии. Они раскрываются как сущностные начала в развитии агрессии. В этой связи станем утверждать, что естественная потребность человека выплёскивать энергию, прилагать усилия к изменению жизненных условий, заметно стала сводиться к выплёскиванию агрессии. Это ли не говорит о веянии уже Века агрессии, о том, что усиливается пламя жизни, и вместе с ним растёт и ширится агрессия в мире людей. И что образ агрессии, отвечая реалиям жизни, должен также отвечать инструментальности. Поэтому в наших достижительных целях, связанных с концептуальными построениями Века агрессии, образ вечно пребывающей агрессии был принят за основу в целом. И развит в частности, с различением агрессии как самостоятельной надличностной сущности в категориях чувственного и мыслительного мира.

В концептуальной схеме Века агрессии понятию «надличностные сущности агрессии», далее «надличностные сущности» принадлежит особое место и роль. В коей мере такие сущности могут быть сопоставимы с идолами сознания, если обратиться к терминологии английского философа Фрэнсиса Бэкона (1561 – 1626). Основатель эмпиризма так называл ложные понятия, которые пленили человеческий ум. А мы станем понимать под ними сущностные остатки агрессивных явлений, которые в своём единении возымели силу над человеческим поведением далеко не лучшего свойства. Правда, само словосочетание «надличностные сущности», а мы будем им пользоваться на протяжении всей книги, может вызывать возражения в силу ряда причин, в том числе и философского характера. Но если принять его как «неклассифицированный остаток» (как нечто неправильное), по примеру американского философа и психолога Уильяма Джеймса (1842—1910), который так обозначал новые поля для широких исследований, и начать его содержательно, на основе логических суждений, «доводить до правильности», и таким образом встраивать в проблематику агрессии, то можно будет получить инструмент для разработки как общих вопросов «возвышения» агрессии до значений века, так и проблем уже самого века агрессии, связанных с протеканием агрессии, превалированием тех или иных её видов, а также и возможностями спада значений агрессии. Все эти вопросы требуют основательной разработанности понятия «надличностные сущности агрессии». И тогда уже можно будет классифицировать надличностные сущности, скажем, по видам. Например, «слепленных» от национального характера, где будет превалировать этническая агрессия, или в зависимости от социо- биологических предпосылок, где от личностной агрессии следует ожидать физического насилия и жестокости в «чистом виде». Такая классификация уже в расширенном варианте позволит предметно разрабатывать видовые различия агрессии в общей проблематике века агрессии.

Итак, предпринимая попытки доведения введённого нами понятия до «правильности», отметим, что надличностная сущность в сознании есть некий внутренний след (остаток от агрессивных практик). Как образование она не имеет никакого отношения к астральным сущностям, её происхождение носит вполне земной характер, связанный с природой человека, действиями людей во вражде, злобе. Это то, что сохраняется от содержания агрессивных действий, вобравших в себя соответствующие чувства и мысли. Они имеют место быть в индивиду-

¹ См. Сьюзен Лангер. Философия в новом ключе. М., 2000. с.130.

альном сознании, в коллективном сознании, а теперь уже и в глобальном сознании. Для производства таких сущностей в первую очередь необходима как сама «материя» агрессии, так и доведение её до сознания людей. Иными словами, нужна агрессия, как событийный факт (основная материя), её освещение в СМИ (придание событийному факту коммуникационной силы), развитость всех уровней сознания и пр.

В своём единстве данные составляющие предстают как некий отлаженный агрегат по ускоренному производству агрессивных сущностей. Возможно, что налаживание масштабы такого производства и послужило в значительной мере наступлению века агрессии. Во всяком случае с разработкой понятия «надличностные сущности» связывается понимание главного вопроса века агрессии – вопроса задействования механизма воспроизводства агрессии как самостоятельной сущности. Ибо в своей действительности агрессивные сущности самостоятельны и могут моментально овладевать чувствами и мыслями, являясь образцом, примером для агрессивных действий и поведения. Тем самым они также множат и расширяют возможности потенциальных субъектов агрессии. Потому как эти сущности в основном не затрагивают волю и могут действовать по большей части самостоятельно, например, как микробы, они же не нуждаются в разрешении, чтобы заразить. Разница в том, что микробы могут заразить тело, а агрессивные сущности воздействуют на сознание. Здесь следует иметь в виду и «встречное движение» – желания субъекта быть похожим на некий образец, который, собственно, и задают агрессивные сущности. Видимо, с этим будет связано ослабление роли причинности в агрессии и возрастание её самостоятельности. Но откуда сами сущности черпают образцы, и как они становятся надличностными сущностями? Рассмотрим эти вопросы подробнее.

Агрессивные сущности получают своё развитие на основе агрессивных практик, а также с помощью СМИ, которые их тиражируют и распространяют как «горячие» новости и авторских фантазий в художественных произведениях. Важно также иметь в виду, что составляющие агрессии (чувства, чувствования и мысли), их замес и метаморфозы, образуют тот первичный (сырой) материал, который в общем потоке агрессии участвует в производстве агрессивных сущностей. Откладываясь в сознании, агрессивные сущности сцепляются между собой. Таким образом они становятся более устойчивыми и «зависают» уже как надличностные сущности (образцы агрессии), пополняясь извне агрессивными практиками на постоянной основе.

Так, в кругообороте и подвижке образ вечно пребывающей агрессии и встраиваемый в него уже в наше время инструмент «надличностная сущность» предстаёт как целостность для объяснения и обоснования общих идей и разработок о веке агрессии.

Обогащённый новыми представлениями образ вечно пребывающей агрессии может рассматриваться и как общий путь в достижении поставленных целей. В предметном плане это даёт возможность нацеливать его (образ) на осмысление агрессии в своей целостности, на воспроизводимость и постоянство её сущностных и поведенческих моментов. А главное, позволяет помыслить о том, что агрессия органически связана с жизнью, она насыщается ею, видоизменяясь и обретая новые формы. Агрессия этим сильна и искрометна, поэтому побороть её можно лишь погасив пламя самой жизни. Иными словами, агрессия неискоренима, она бессмертна, пока есть сама жизнь, но, правда будет и в том, что без агрессии жизнь не жизнь в своих началах и открытости.

В свою очередь метаморфозы агрессии, представленные как разлетающиеся искорки пламени жизни, могли бы дать нам понимание единичной и множественной агрессии, и связанных с ними проблемах. Ведь искорки сами по себе могут больно жалить в повседневности, и здесь мы имеем дело скорее с межличностной агрессией, но также верно, что от искры возгорается огромное пламя. Это может быть пламя войны и различных массовых выступлений, и тогда речь может идти о множественных формах агрессии.

Но так ли всё происходит, как было нами расписано, и даёт ли пламя жизни свои искорки в виде агрессивных выпадов, делает ли она это неизменно? То есть, возобновляется ли она постоянно, в своём единении с пламенем жизни? Мы попытаемся обрисовать это в своих доводах и суждениях, и речь пойдёт в широком плане о составляющих агрессии в их существенных проявлениях. На пути наших изысканий, мы будем иметь в виду образные постижения агрессии Шпенглером и наши добавления к нему, как образу вечно пребывающей агрессии, и в заключении покажем, насколько это оказалось действенным для концептуальных построений Века агрессии. А пока подчеркнём то неизменное, что агрессия как таковая всегда была присуща миру людей, человеческим отношениям, и проходила в своей действительности как действие, сопряжённое со злом и вражде. Развиваясь так по своей природе, она могла проявляться во взаимоотношениях отдельных лиц и групп людей, выражаться в действиях беспорядочной массы, быть частой или не частой в своих знаковых формах, таких как война, восстания, революции и терроризм.

В то же время заметим, что с агрессией никогда не связывали существенное понимание века. Даже во времена длительных и кровавых войн она не характеризовала век как целостность, не была его собственным именем. Почему же сейчас мы заговорили о веке агрессии? Что изменилось в мире людей и в человеческих отношениях? И что нам прежде может сказать наша повседневность, богатая на агрессию и насилие? Говорит ли она об изменениях природы человека, его ожесточении, и, как следствие, увядании социальности, или есть что-то иное, нам пока неведомое?

Для наших целей насущным будет то, как агрессия смогла отеснить все другие виды действия и стать определяющей в характеристике века? Как в своей действительности она смогла стать актуальностью зла и вражды? Какие механизмы обеспечивают тандем общественного и личного в агрессии? И не происходит ли такое потому, что уже не столько интерес, и не столько необходимость защиты, а сколько злая воля побуждает и активизирует агрессию. И что множественность таких выпадов усиливают власть самой агрессии, делают её самостоятельной силой вопреки человеку. И здесь нельзя не выделить роль СМИ как невольной обслуги злой воли и расширения тем самым агрессивных сил в обществе. Наконец, если правда, что миром правит необходимость, то сближение агрессии с ней делает её сильнее человеческой воли, ибо, как говорили древние, перед необходимостью преклоняются даже боги. И тогда уже воля скорее станет служить агрессии, при остаточном влиянии личного (желаний и намерений).

К постановке вопроса о возрастании роли агрессии в таком ключе, того, что способствовало её становлению в значении века агрессии и было вызвано усилением пламени жизни, образно говоря по Шпенглеру, мы пришли не сразу. Вначале был интерес к агрессии как таковой, и это вылилось в исследование ряда содержательных вопросов, связанных с определением природы агрессии как действия и выявления её связей со смежными чувствами. Выделялась также роль мыслеформ как силы мыслей и воображений; рассматривались и внутренние силы, ответственные за агрессию. Все это едино совмещалось и целостно выражалось в соответствии с традициями понимания агрессии как формы человеческого поведения, где фактическое содержание определяют нападение и насилие. Но фактичность сама по себе ещё не объясняет агрессию, она по большей мере указывает на её наличие, вид, сферы проявления и рост. Действительная же природа агрессии не проясняется, ибо она могла бы быть познана исходя из неё самой, априорно. И здесь следовало начинать с вопроса существования агрессии, с вопроса о том, что она есть как таковая и как она могла развиваться при любой цивилизации и в каждом обществе.

Поиск ответов заставлял выходить за границы традиционной причинности и взглянуть на явления шире. Да и по мере накопления совмещающего материала и утверждения традиционного постижения агрессии как атакующей силы «во имя чего-то», приходило понимание

того, что агрессия есть нечто большее, чем «нападение» по чьей-то воле. И что агрессия как объективная и стабильная сущность не есть только «начало», что в своём развитии агрессия смогла даже стать чем-то «для себя». Такое происходило потому, что агрессивное в мире упростилось до обыденности, и агрессия смогла утвердиться в своём новом качестве всеохватности и устойчивого самовоспроизводства образцов агрессивности. Мы видим, что дружелюбная сторона жизни теснится и сокращается как «шагреновая кожа», в то время как агрессивность возрастает. Она растёт в своих мягких формах, как напористость, и в жёстких формах, как насилие. Эти действия вседозволенности в людских связях и отношениях и есть реальные признаки века агрессии.

Ныне агрессии, противостоящей миру людей и развитию культурных связей, отводится гораздо больше места как силе разрушающей и утверждающей. Именно такой агрессии отвечают устремления индивидуализированных сознаний быть агрессивным или по меньшей мере казаться таковым. Отсюда можно было бы предположить, что агрессия стала ответом на любой «неудобный» вопрос, и что она есть способ разрешения проблемы всякого уровня. Однако это не совсем так, ибо решается не сама проблема, а лишь демонстрируется всё утверждающая и разрешающая агрессивная сила». ²

Следует понимать, что такие упрощённые до обыденности практики делают устойчивыми множественность форм агрессии и доводят в целом существование агрессии до характерных значений и черт века. Соответственно, велик и диапазон проявлений. Агрессия проявляется как должное в частных повседневностях, в семейных распрях, но она также служит способом решения межгосударственных конфликтов. Философы всё это уместили бы в одной фразе, отметив непомерное возрастание онтологического статуса агрессии, что несомненно объясняет и наступление века агрессии.

Таковыми будут наши самые общие исходные представления и доводы об установлении связей между агрессией как данностью и поведением. Далее, уже касательно видовых связей, мы станем различать агрессию индивида и агрессию общества. *Агрессия индивида* – это то, что есть «у него», *агрессия общества* – то, что есть «у нас». Для характеристики ядра индивидуальной агрессии мы станем использовать понятие «*агрессиум*» как единство биологического и социального (подробно об этом будет ещё сказано). Выразителем агрессии общества станет «*общественная агрессия*» (для обоснования этого понятия можно привести положение Аристотеля о человеке как общественном животном). В век агрессии между агрессией индивида и общественной агрессией усиливается особые связи, которые обеспечиваются агрессией как *надьиндивидуальной или надличностной сущностью*.

Все эти связи преломляются посредством так называемой *агрессивной культуры* и особенностями восприятия действительности человеком. *Под агрессивной культурой мы понимаем то, что производится самой общественной жизнью и становится способом выражения деструктивного поведения и действий, выраженных и чувствами, и мыслями.* А вот особенности восприятия говорят о том, как мы осваиваем агрессию и всё то, что с ней связано, будь то наблюдаемые агрессивные действия или информация о них. В век агрессии такие связи образуют общий план, при довлеющих значениях агрессии. Причинно – следственные связи агрессии остаются на вторых планах, образуя специфические поля агрессивного. Существующие традиционные теории агрессии можно было бы отнести к изучению таких полей. Такие наработки позволяют, исходя уже из общего плана, рассматривать под заданным углом наиболее значимые характеристики агрессии и все те составляющие, которые выражают её развитие и особенности существования в век агрессии.

² Так, генеральный директор одной компании в Калининграде расстрелял из травматического пистолета сотрудника, требующего выплатить ему долги по зарплате. Тем самым он, как бы, решил одну проблему – выплеснул свою агрессию, и одновременно создал другую, заключающуюся в «отсидке» за содеянное.

Продолжая наш путь – путь обоснования концептуальных представлений о вековой значимости агрессии, нам предстоит в узловых местах углубляться и делать пояснения. И здесь первым делом нам понадобятся рабочие понятия «комплекс» и «трансформация». Понятие «комплекс» даёт представление об агрессии как целостности, а «трансформация» – указывает на преобразования агрессивного, выражающего суть века агрессии. Отметим также, что *комплекс агрессии* – это набор чувств, мыслей и образцов, которые выражают личностные и коллективные состояния агрессивного. Трансформацию же комплекса агрессивного в состояния всеохватности и вседозволенности мы будем рассматривать как сущностный процесс становления Века агрессии.

Далее мы станем различать агрессию структурно, как укоренившуюся предрасположенность к действию или готовность быть агрессивным. В такой предрасположенности природно-биологические составляющие агрессивного тесно переплетаются с социально-политическими обстоятельствами жизни. Более того, сама эта предрасположенность доводится и утверждается до обыденного в поведении людей. Образуется новое свойство общественного человека быть агрессивным во всём и всегда. Отсюда мы допускаем, что всеохватность агрессии как особенность человеческого поведения, доведённая до обыденных проявлений, и есть то, что окончательно утверждает её в границах века агрессии. Однако также будет верным то, что объяснение феномену «Век агрессии» следует искать на путях единения нового со старым и обеспечения целостности проблематики агрессии. Ибо как справедливо замечает К. Юнг: *«даже самая оригинальная и самостоятельная идея не с неба падает, а произрастает на уже имеющейся, объективно заданной интеллектуальной почве, корневая система которой – независимо от того, хотим мы того или нет, представляет собой теснейшее переплетение»*.³

Переплетение традиционного понимания с новыми взглядами на агрессию, их единение в целостности подхода наших изысканий, будут рассматриваться на основе шести вопросов-утверждений. Мы их различаем как утверждения, которые побуждаются вопросительной составляющей для поиска новых утвердительных аргументов. Этим они отличаются от других вопросов, например, риторических, перед которыми не ставятся такие цели. С усилением же утвердительных начал, симбиоза традиционного (интегральность агрессии) и нового подхода (агрессия как надличностная сущность) необходимость в вопросительной части начнёт отпадать. Вот сами «вопросы-утверждения»:

- имеет ли смысл агрессия сама по себе, агрессия как данность вообще, независимо от своих форм и масштабов;
- может ли агрессия довлеть над человеком, не соизмеряясь с его желанием, возможностями и волей;
- является ли интегральность окончательной характеристикой в агрессии;
- какие механизмы способствовали становлению самостоятельных начал агрессии, сохранению её как надличностной сущности, расширению возможностей всеохвата в мире людей;
- почему не массовость убийств, санкционированных агрессивными войнами, а всеохватность агрессии, доведённая до обыденности в относительно мирное время, становится сущностной характеристикой века агрессии;
- отчего в век агрессии враждебные намерения действовать агрессивно, выражаются не только по воле, но и как необходимость во вне, надличностно.

Это вопросы о сущности и значениях агрессии, но это и утверждения об их данности. Применительно к Веку агрессии они должны в первую очередь определять то, в какой мере агрессия могла бы быть оправданием существования самой себя в мире людей, и тогда уже выходить на понимание того, в силу чего она смогла стать характеристикой века? Утверждения

³ Карл Густав Юнг. Феномен духа в искусстве и науке. М. 1992. С. 45.

ответов не могут ограничиваться лишь сугубо познавательным любопытством, они должны иметь значения и протекать в русле развития новых аспектов теоретизирования агрессии.

Согласившись с тем, как надо рассматривать вопросы-утверждения, примем к сведению одно сущностное положение: то, что агрессия, будучи жизненной силой в веках, имеет все основания определяться в качестве фактора цивилизационного развития. И что достижения, скажем, в той же области военной техники и технологий не могли быть сделаны без учёта реалий агрессии. В то же время мы вправе будем усомниться в понимании смысла агрессии лишь из непосредственного опыта, ибо есть и иные познавательные возможности, представляющие предмет более выпукло и в отрыве от поверхности вещей. Однако подробнее об этом и умопостигаемом скажем позже, а пока отметим одно: если говорить о субъекте агрессии, который преследует свои цели, мыслит категориями захвата и разрушений, то «да», в таких контекстах, конечно же, видится «свой смысл» и «свой умысел», как захватнический интерес и своё оправдание агрессии. Более того, такая агрессия бывает сразу помещена в смысл, как сказал бы французский философ Анри Бергсон.

Но могла ли одна смысловая заданность субъектов агрессии, одни «интересы», взятые в своём множестве, придать в целом агрессии такую всеохватную силу и те значения, которые позволяют нам ныне ставить вопрос и говорить уже о веке агрессии?

Изначально на такой вопрос у нас просто не могло бы быть ответа. Надо было думать и предметно размышлять об этом и других возможных обстоятельствах развития века агрессии. То, как посредством генезиса было осуществлено раскрытие заданности агрессии, какие из них были выделены в качестве динамических образований, раскрывающих во взаимосвязях сущности века агрессии. Есть и развёрнутый ответ с различными экскурсами, предложенными в данной работе. А эти экскурсии, забегая вперёд, есть чувства и мысли, поведение и действия, которые и были вынесены нами в название книги. Думается, что именно эти составляющие и задаваемые ими в единстве объёмные характеристики агрессии в своём наступательном развитии и взаимосвязях послужили основой для становления века агрессии, а именно: *такой протяжённости жизни человечества, которая полнится всеохватностью агрессии*. В развитие сказанного мы станем рассматривать эти составляющие как части целого, то есть целостности новой агрессии, и, таким образом, разместим их в концептуальной схеме «Век агрессии».

В основе разработки такой схемы лежат три аналитических понятия:

- агрессия как социально-психологическое и политическое явление;
- агрессия как сброс в социальное пространство;
- агрессия как надличностная сущность.

Первое понятие достаточно полно разработано в традиционной проблематике в части психологии, что должно также послужить нам опорой в теоретизировании новых аспектов агрессии. Другие два понятия мы вводим для разработки концептуальной схемы «Век агрессии». Но прежде изъяснимся по поводу того, с чего всё это начиналось, и что именно было задумано как внесение нового?

Приступая к разработке века агрессии как теоретической проблемы, нам важно было в первую очередь определиться с тем, что будет положено в основание предметности агрессии. Станут ли это, главным образом, количественные характеристики, и тогда мы должны будем в основном внимать статистике: столько-то убито с особой жестокостью, столько-то изнасиловано, а также исходить из разъяснений антропологов по поводу того, почему у народности «А» убивали чаще и без особой нужды (потому что они агрессивные?), в то время как у народности «Б» убивали меньше (потому что они неагрессивные?). Всё это свидетельствовало бы о том, что, во-первых, согласно статистике, агрессии стало много больше, чем когда-либо было в мире людей. А во-вторых, что убийства когда-то и где-то совершались всё же с разной степенью частоты, скажем, у каких-то народов Африки. И тогда нам пришлось бы говорить, прежде всего, о причинно-следственных связях и сторонних факторах, вызывающих

агрессию, что практически и имело место как факторный анализ в традиционной проблематике агрессии. Преимущества такого подхода очевидны, и они прежде в наглядности и фактичности исследуемого материала. Но одних этих «полезностей» скорее всего было бы недостаточно при объяснении феномена «Век агрессии», и мы не смогли бы по-новому взглянуть на проблему агрессии, оставаясь по-прежнему в границах традиционных подходов.

Если это так, то в таком случае надо будет в основании века агрессии предлагать уже какие-то другие, качественные характеристики, придающие агрессии самостоятельное «звучание» и значимость. И эти качества, возможно, как и новые функциональные заданности агрессии, взятые предметно, послужат тому, чтобы выявить сущность века агрессии и показать те преимущества подхода, которые могут придать новый импульс и разворот проблематике агрессии в современных условиях. Однако в этом случае уповать придётся прежде всего на абстракции и «схватывающие» представления по примеру древних греков.

И всё же, чтобы нам окончательно определиться с «основанием», протестируем подробнее возможности и пути теоретизирования века агрессии. Их, как мы видим, всего два. В одном случае надо будет делать упор на само явление агрессии как видимое, привлекать в этих целях статистику, а также «добывать» необходимую эмпирию; в другом – исходить из сущности агрессии в значении века, как на невидимое, но доступное «схватывающим» представлениям. Какой вариант будет более приемлемым для размышлений и выводов при том, что эти возможности не являются взаимоисключающими? Речь идёт по существу об активности способов познания и расстановке акцентов.

Если судить по первому критерию, когда «много агрессии», то надо будет согласиться с тем, что век агрессии остался в прошлом, например, в XX веке, с её войнами и применением американцами в Японии ядерного оружия. Но в истории войн найдутся и другие примеры, в которых было не мало агрессии. И каждый раз причины будут разными, где-то религиозными, а где-то и политическими, но быть может и чисто националистическими. Поэтому одни количественные характеристики, при всей их важности, не смогут нам объяснить сам феномен века агрессии как единого. Ведь они будут скорее «указывать» и «свидетельствовать» о чём-то одном, фактическом, и при этом мало что говорить о сущности явления, что не может никак нас устраивать. Чтобы понять и объяснить век агрессии, надо будет исходить из других оснований и путей. Это, прежде всего, пути совмещающего теоретизирования, и к ним следует подходить со стороны качественных определённостей в самой агрессии. Ибо *век агрессии предстаёт по большей мере как данность сущностей агрессии, и, разрабатывая их должным образом, можно будет объяснить как сам феномен, так и количественный рост агрессивных явлений.*

Выбирая такой путь, конечно же, не следует отрывать от общей проблематики и традиционного в изучении агрессии. Но нам было важно исходить из того, что в первую очередь вяжется с пониманием вечно пребывающей агрессии, с её самодостаточностью. И в этой связи нельзя было не отнести агрессию к тому кругу явлений, которые «основания самих себя содержат в себе» (М. Мамардашвили). Это и есть признак вечности агрессии, в противном случае ей пришлось бы каждый раз дожидаться своей причинности, чтобы стать реальностью. Причинность следует за таким основанием, определяя особенное в агрессии, её видовые различия.

Мы попытаемся, органически сочетая познавательные возможности прежде всего социальной психологии и философии, придерживаться такого понимания. Но для начала надо уяснить, что собой представляет сама проблематика агрессии и какое место в ней займёт проблематика века агрессии?

Проблематика агрессии – это разрабатываемая часть территории, которая очерчена как поле агрессии. В устоявшемся ныне виде она предстаёт областью знаний, которая тянется от психоанализа, имеет большую психологическую часть, продолжающуюся активно застраиваться в разных планах, и небольшие районы, отведённые философии, социологии и праву. Также застраиваются новые районы под биологию и генетику.

Понимая «область знаний» в буквальном смысле как застраиваемую территорию, мы попытались таким образом обрисовать разработанность проблематики агрессии. Продолжая далее развивать «область знаний» как метафору, отметим, что в связи с ростом и усилением роли агрессии в мире людей, что позволяет нам тематизировать век агрессии, появляется необходимость в застройке и обживании новых районов. Назовём здесь такую тематическую застройку как «Век агрессии». Правда, в нынешнем положении вещей «Век агрессии» может рассматриваться скорее как метафора, которая в переносном смысле говорит о возросшей роли агрессии в жизни людей. Но речь идёт о том, чтобы словосочетание «Век агрессии» начать разрабатывать понятийно, как инструмент анализа всё возрастающей заданности агрессии в жизни людей, и наполнять это понятие конкретным содержанием. Поэтому застраивать новую территорию проблематики «Век агрессии» необходимо будет основательно, начиная с закладки фундамента.

Наша главная цель и вытекающие из неё задачи состоят в том, чтобы принять посильное участие в такой застройке, подразумевая под этим теоретизирование новой, актуальной части общей проблематики агрессии, связанное, прежде всего, с проникновением в явление века агрессии, в то, что составляет её сущность. Здесь мы исходим из того, что агрессия имеет видимую часть, то, что нам является в агрессивных действиях (криминал, терроризм, войны и пр.), и то, что она находит своё выражение в агрессивной риторике (оскорбительные слова, воинственные выступления политиков в адрес своих противников и пр.).

Однако агрессия, и об этом следует сказать особо, имеет и невидимую часть, то, что составляет её сущность. *что она есть сама по себе и является смыслом её существования.* Попытка проникнуть в сущность агрессии века и есть одна из наших насущных задач. Сошлёмся в аргументации такой позиции и наших суждений на А. Бергсона (1859 – 1941), который видел задачу философии в том, чтобы проникнуть в явление, пережить жизнь, а не понять её, излагая в некоторых понятиях. У нас же речь идёт о том, чтобы проникать в сущность агрессивного явления, в самую сущность агрессии, определяя тем самым действительное существование века агрессии, коренящегося в чувственном. Они у нас представлены как надличностные сущности агрессии, с актуализацией которых связывается всеохватность века агрессии. Иными словами, если мы хотим определить сущность агрессии, и то, куда «пропадает» после своего завершения агрессия, угасая как явление (действие), то мы должны будем выйти за мир явлений и погрузиться в мир предсказательного, взяв за основу понятие «надличностная сущность агрессии». Именно такие установки и представления будут значимыми и иметь перспективы для разработки новых аспектов теоретизирования агрессии как века агрессии. В то же время следует иметь в виду, что вечно пребывающая агрессия в разные периоды будет иметь для этого свои исходные установки и перспективы.

Для периода дикости по всей вероятности исходными предстанут инстинкты; в общественное время таковыми будут социально – психологические детерминанты; а в век агрессии – станут превалировать надличностные сущности агрессии. Из этих исходных установок наиболее полно были исследованы социально – психологические детерминанты, что имело место в традиционной проблематике. Мы станем рассматривать эти установки по необходимости, памятуя о том, что предметом наших изысков является освоение века агрессии в единстве его составляющих. Так, сочетая художественный метод с научным, философский подход с психологическим, социологическим и правовым, будут обрисованы картины зарождения века агрессии, в котором всё более значимыми во власти над человеком предстают надличностные сущности агрессии.

2. Традиционное и новое в проблематике агрессия. О веке агрессии как новой тематической застройке в данной проблематике

Какие проблемы агрессии можно было бы назвать всеобщими, относящимися к целям отдалённых перспектив, но так или иначе подразумеваемых в исследовательских практиках? Мы отметим три такие проблемы. Это прежде всего проблема существования самой агрессии, то, что она есть бытийно как возможность, которая является нам ситуативно (причинно или беспричинно). Другая проблема будет связана с абсолютизацией жестокости личностной агрессии. Наконец, третья проблема сводится к непомерному росту пагубных возможностей политической, государственной агрессии, в том числе и планетарного характера. Как эти проблемы представлены в традиционной проблематике, и в чём будет суть нового подхода?

Традиционность исходила из того, что в конечном счёте агрессию следует искоренять, а до поры до времени следует научиться ею управлять. Агрессии не должно быть, она существует только потому, что есть причинность – вот так можно было бы выразить традиционную установку. Поэтому охватываемые в этой части методы всегда искали причинность в агрессии, выявляли её, чтобы устранить или по меньшей мере минимизировать её роль. И в этом находили себя исследовательские цели и благие намерения.

В новом подходе агрессия рассматривается как вечно пребывающая по своей сути, но изменяющаяся во вне в своих значениях вместе с жизнью людей. Проблема в том, что имея эволюционную заданность и вовлекаясь в цивилизационные изменения, агрессия устойчиво приобретала крайние значения действенного фактора политики и индивидуальных выражений. И в этих значениях она во многом подавляла миролюбие. Отсюда важность смещения акцентов с искоренения агрессии, что представляется явно утопическим, на изменение значений агрессии, и в первую очередь значений политичности и личностной жестокости. Задача не из простых, но реальная в перспективе, в сравнении с искоренением агрессии. Разумеется, что и в таком раскладе причинность сохраняется, но причина как таковая уже смещается с пьедестала. Потому что как множественность она распыляет и разделяет объект изучения и не даёт возможность выявить основной механизм воспроизведения и усиления всех форм агрессии в значениях века. Таким образом, в новом подходе проблема выявления причинности агрессии должна уступать по важности проблеме изменения значений агрессии, механизмов её воспроизведения, обеспечиваемых надличностными сущностями.

Что касается проблем жестокости личностной агрессии и проблем роста возможностей самой агрессии (ядерной агрессии), которые имеют социально – психологический и политический характер, то они должны будут решаться с использованием лучших достижений в проблематике агрессии и возможностей международного права..

Исходя из сказанного, мы станем чётче различать в общей проблематике агрессии старую часть территории (традиционное) и новую часть, которую необходимо уже спешно застраивать, как было сказано, под «Век агрессии». Попутно отметим, что традиция всегда означает предшествующее новому, современному, и характеризуется устойчивостью. Это то, что сохраняется и передаётся, ибо оно смогло вобрать в себя лучшее и стать значимым в определённой временной перспективе. Поэтому одной из первоочередных задач будет сохранение целостности и архитектуры «области знаний агрессии», единства её облика, привнеся в застраиваемый объект всё то лучшее в плане теоретического, что есть в традиционной части. В то же время необходимо будет органически сочленять понятие «век агрессии», открытое к наполнению, и понятие «агрессия», имеющее уже своё «традиционное» содержание. Сложность момента и возможные здесь нарекания сведутся к тому, что придётся текстуально совмещать два уровня знаний: философский (ведь без вопрошаний о сущностях агрессии здесь не обой-

тись) и, по большей части, социально-психологический, обусловленный образами и практиками агрессивного поведения. Мы также будем помнить, что агрессия в своём существовании открывается нашему сознанию как действие, и в таком виде она является предметом социально-психологического изучения. И факт, что традиционное в проблематике агрессии связано, главным образом, с подобного рода исследованиями.

Философии же, с её возможностями внутреннего созерцания, когда абстрактное мышление становится определяющим, сподручнее было бы делать акцент на постижении агрессии как сущности, что и было нами определено. Такой подход представляется приемлемым для изучения агрессии в значениях века. Мы станем исходить из такой установки и соответствующих методологий, начиная с определения сущностных вопросов агрессии.

При этом не следует искать здесь доказательного содержания объяснений, ибо это лишь введение, наброски архитектоники Века агрессии, основанные как на традиционных знаниях, так и на представлениях, идеях, в которых вводимые нами понятия являются субъективными предпосылками. Они есть прежде всего способы «изображения» Века агрессии в свете философских знаний. Такой подход позволит широко и объёмнее представлять и объяснять истоки её всеохватности и силы в мире людей.

Однако, рассматривая Век агрессии как объект, мы будем иметь в виду уже не столько агрессию как жизненную силу, дарованную человеку, чтобы он выжил и выстоял, а сколько агрессию, представленную человеку извне как скопление *надличностных сущностей*. Агрессию, которая сущностно обновилась и объективировалась в общечеловеческом и национальном сознаниях. Она стала действенной в отношении человека, получая силу от постоянных агрессивных выбросов в жизненное пространство⁴. В результате таких выбросов агрессивий выделяются сущности (ноумены), они отрываются от явлений, которые бывают обречены на затухание. Сущностное же сохраняется на различных уровнях человеческого сознания, где и укрепляется в своём пребывании. Сошлёмся в таком утверждении на Карлоса Вальверде, который замечает, что *«реальность присутствует в человеческом сознании»*⁵. Перефразируя автора, можно сказать, что агрессия как «выброс» и есть та сама реальность, которая сущностно присутствует в сознании человека. И что такое обеспечивается каждый раз фактически новыми выбросами, которые, став достоянием общечеловеческого, культурного сознания, утверждаясь в коммуникационных пространствах, сгущаются и оформляются как надличностные сущности агрессии. Здесь в доказательности наших суждений больше подошёл бы Юнг, который считал, что и сознание, и бессознательное содержит личный и коллективный элемент. Последний определяется как *«дух времени, складывающийся из общепринятых верований, предубеждений, установок и принципов данного общества или группы»*⁶. Вот к этим элементам коллективного сознания, немного потеснив, возможно, общепринятые верования, мы и добавляем сделанные в жизненное пространство выбросы агрессии.

Именно такие выбросы, и прежде всего криминальной агрессии, политической агрессии, а также агрессивий из «семейного очага» в жизненное пространство, приводят к выделению сущностей как надличностных социально-психологических образований, которые, скапливаясь в коллективном сознании, становятся сущностями нового порядка, формами агрессии и вновь возвращаются людям, снабжая «отработанными» ранее инстинктами и паттернами агрессивного поведения. И если агрессия как таковая есть сущее (действительное) во все времена, то в век агрессии её сущностью, что определяет все её проявления, будут «возвратные»

⁴ Здесь можно привести аналогии с выбросами газопылевых веществ в атмосферу, которые также возвращаются к нам, загрязняя окружающую среду. Однако в данном случае речь идёт уже о загрязнении выбросами агрессии общего сознания, которая также возвращается каждому.

⁵ Карлос Вальверде. Философская антропология. М., 2000. С. 229.

⁶ Цитата по книге: Владимир Одайник. Психология политики. Санкт – Петербург, 2010. С.28.

надличностные сущности. Конечно, в своей действительности, каждый раз являясь, агрессия будет испытывать воздействие различных сочетающихся факторов.

Надличностные сущности в состоянии вызывать агрессивные действия, определять поведение безотносительно к опыту и научению, и даже собственным установкам. Они являются готовыми формами агрессивных образований (продуктов), причём во много крат усиленными в своём множестве и в таком совмещённом виде определяющие поведение. Поэтому агрессия, имея сочленение надличностных сущностей, смогла занять властное положение в отношении поведения человека. И здесь имеются в виду не другие измерения и астральные сущности в духе объяснений эзотеризма и соответствующего понимания, а нечто реалистичное в своей основе. Как было отмечено, агрессивные сущности происходят из реалий самой жизни, практик агрессивного поведения.

Однако, следует уже признать, что такое конструирование века агрессии посредством надличностных сущностей вызывало определённые трудности, что было связано с немалыми сомнениями и вопросами. Ведь речь шла о том, чтобы объяснить новую качественную определённость и всеохватность агрессии в мире людей, представить её пообъектно, и в согласии с этим рассматривать сущности как составляющие и действенные силы века агрессии.

В первую очередь сложности и сомнения были связаны с сущностями, с тем, как понимать эти новообразования в контекстах агрессии, какова их познавательная ценность и что есть сущность века агрессии. Такие вопросы о сущности объектов ставятся в философском плане и находят своё решение. Так, известный немецкий философ и богослов Дитрих фон Гильдебранд (1889 – 1977) полагал, что в самой природе того или иного объекта должен заключаться ответ на вопрос, обладает ли каким-либо познавательным интересом мысленное погружение в его сущность с «вынесением за скобки» его реального бытия и, кроме того, даст ли это погружение знание внутренне необходимых, абсолютно достоверных фактов.⁷ На свой вопрос Гильдебранд даёт положительный ответ и на простейшем примере нам поясняет: *«Отвечая на вопрос „что такое 4?“ следующим образом: $4 = 1+1+1+1$, мы тем самым раскладываем данную сущность на её составные части. Необходимо чётко отличать эту замечательную прозрачность, заключающуюся в возможности разложения сущности, в возможности её редукции к известному, в её составленности из частей, от интеллигибельности, свойственной необходимым сущностям как таковым».*⁸ Правда, проникновение в сущность вещей и её обнаружение в этом примере сложно углядеть. Здесь сущность сразу берётся как данность и разлагается на составляющие. Социологи скорее всего назвали бы такие действия *операционализацией* – разложением понятийного показателя на индикаторы, подлежащие эмпирической регистрации. Уж очень они показались нам схожими по предлагаемой процедуре. Соглашались с нами или нет – это вопрос, но нам следует вернуться к решению поставленных задач и предлагать свои решения.

Итак, столкнувшись с трудностями сущностного определения, мы пытались первым делом уйти от эзотерических представлений о сущностях и сформулировать проблему в терминах сознания, оставаясь в границах рассуждающего разума по определению Гегеля. *«Рассуждающий разум, — пишет философ, — старается найти основания вещей, т. е. их положенность другим и внутри другого. Это другое и является пребывающей внутри себя сущностью этих вещей, но вместе с тем оно представляет собой лишь нечто относительно безусловное, так как обоснованное, или следствие, имеет содержание, отличное от содержания основания».*⁹

⁷ Дитрих фон Гильдебранд. Что такое философия? Санкт – Петербург, 1997. С. 147.

⁸ Там же. С. 197, 198.

⁹ Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Работы разных лет в двух томах. Том 2. М., 1973. С. 195.

Но что в таком случае есть сущность агрессии? Что можно было бы назвать её смыслом и сутью? Что всегда присуще агрессии и неотделимо от неё? Наконец, что остаётся от агрессии при любом раскладе? Для ответа используем одну из теорем Спинозы, которая была изложена в его работе «Этика». Её перифраз будет таким: *«Всякая агрессия, стремящаяся пребывать в своём существовании, есть не что иное как действительная сущность самой агрессии»*. И что бытийствует она, главным образом, в отношениях субъекта агрессии с объектом агрессии. Таким бытийствованием будет нанесение урона, а сущностью агрессии в состоянии пребывания во вне мы станем называть готовность к ней в различных формах.

Развитие таких сущностей и их расширение мы связываем с агрессивными выпадами (явлениями), которые имеют, как известно, длительную историю. Каждый агрессивный выпад, являясь в своей основе продуктом сознания, угасает в жизненном пространстве, но его сущность сохраняется и становится уже достоянием общечеловеческого сознания, где сгущается и укрепляется во множестве других выпадов. Так образуются разного рода агрессивные сущности, и уже в этом качестве, пройдя несколько ступеней сознания от общечеловеческого до индивидуального, они вновь возвращаются в мир людей, и проявляются как действие тела, то есть агрессивное действие человека. Или действие политика, наделённого властью. Исходя из такого понимания, сущность века агрессии предстаёт как единение различных надличностных сущностей, где определяющими будут политические, криминальные и семейные. Их мы стали бы понимать наподобие «вечным сущностям», «формам» в духе Платона. В своей действительности это потенциальные возможности, которые реализуются, ибо формы неукословно находят своё содержание в мире людей.

Сработанность и действенность такой конструкции может многое объяснить в предметности века агрессии, а также в связи традиционного теоретизирования с новыми представлениями об агрессии. Однако вопрос будет в том, как с такой конструкцией и общими набросками, сделанными ранее, можно будет перейти к решению новых теоретических задач? На чём и как строить свои суждения, к каким истокам надо припадать вначале, и, что не менее важно, как мы станем первоначально определять агрессию в наших штудиях? Эти вопросы будут рассмотрены нами позже.

Здесь же подчеркнём основное о самом понятии «Век агрессии» и ещё раз вернёмся к сути поставленной проблемы. Мы можем рассматривать Век агрессии только по причине того, что она есть и всеильна как никогда. Уже словообразование «Век агрессии» говорит нам о качественных изменениях и росте влияния агрессии в мире людей. А сам век агрессии служит утверждением нового положения агрессии как двухсторонней силы. Это действующие извне *надличностные сущности агрессии*, и действующий изнутри *агрессиум* – *единение биологического и социального*. Возможности агрессии действовать одновременно в двух направлениях или на двух фронтах на человека стало характерным признаком Века агрессии. Здесь выбросы агрессии, представляющие собой замес определённых чувств и мыслей, утрачивая личностную форму, становятся как таковыми источником энергии для сущностей. Они питают, обогащают и служат основой власти сущностей агрессии над человеком во вне.

В то же время следует осознавать, что век агрессии – это не столько исчисляемая в годах активизация агрессии, имеющая точное календарное измерение и свою историю начала, а сколько процесс признания агрессии во всей её всеохватности и пагубной силе, когда право сильного, осуществляясь по существу и непреложно как право агрессора, теснится надличностной агрессией. *Отсюда проблема века агрессии видится нам больше как проблема сознания и тела (ментального и физического) в их слиянии и действовании*. Как это понимать? Сошлёмся вначале на английского философа Стивена Приста, который занимался основательно этими вопросами, отмечая многообразие дуализма: *«Существует большое многообразие дуализмов сознания и тела. Могут появиться различные таксономии дуализмов, если, к примеру, будут заданы два следующих вопроса: «что такое сознание?» и «каково отношение*

между сознаниями и телами?»¹⁰. Чтобы признать, что есть ещё одна таксономия, связанная с агрессией, ответим на поставленные вопросы так.

Сознание само по себе, и в большей мере обыденное сознание, есть вместилище чувств и мыслей, представленных как множество ментальностей и конструкторов. В каких-то особых случаях им предстоит осознаться в границах агрессии и доводиться до планов агрессивных действий и образов свершений. При таком традиционном раскладе реальность агрессии и её осуществление остаются уже за волей и телом. Последнее есть орудие агрессии для нанесения урона, как вербального (говорением), так и физического, с использованием силы. В контекстах такого понимания сознание по горизонтали будет вбирать в себя чувства и мысли, а по вертикали представляться такими формами сознания, как общечеловеческое сознание, национальное сознание и индивидуальное сознание. Между ними нет жёстких перегородок, и возникающая на этих просторах агрессия может свободно перемещаться и набираться сил по всей территории сознательного: от чувств к мыслям, от общечеловеческого уровня сознания к индивидуальному и наоборот. В век агрессии такой расклад вещей сохраняется при явном ослаблении воли и усилении значимости надличностных сущностей агрессии. Всё это может привести к тому, что сознание с надличностными сущностями агрессии будет напрямую связываться с телом, минуя волю.

Мы станем развивать намеченные нами положения, начиная с основ понимания агрессии, не претендуя на истину в последней инстанции и не притязая на абсолютные значения в своих суждениях. Нам важен сам процесс взглядывания и размышлений о том, что происходит с людьми и с агрессией. Почему надо говорить о веке агрессии в плане противостояния человека к человеку, государства к государству, народа к народу, и в таких контекстах рассматривать агрессию как самостоятельную сущность в мире людей. О веке, в котором людские отношения и существующие связи больше свидетельствуют о предрасположенности и даже готовности к нападениям и разрушениям, чем о жизни в мире и согласии. О веке, в котором агрессия сама по себе видится «нетерпеливой» и «беспокойной», ставшей самостоятельной в своей действительности.

3. Агрессия и мир людей. От стихийной протоагрессии в древности к веку агрессии как скоплению значимых надличностных сущностей

«Человек – разумный, но не настолько, чтобы быть разумным всегда и в своей агрессии».

Неизвестный мыслитель

Агрессия есть объёмное понятие со многими переменными, и как таковая она может предстать в общем, обобщённом плане. Однако в своей основе, выделенная специальным планом одной направленности, она предстаёт уже как некая предрасположенность, которая, актуализируясь причинностью, является нам как поведенческий акт (действие). Это единица малой упрощённой агрессии, которая в своём множестве возрастает до большой агрессии. И такая преемственность перехода от малого к большому, все поглощаемому могла бы иметь свои смыслы и выражения в длительной исторической перспективе, а сама преемственность свидетельствовать о постоянстве агрессии в жизни людей.

Но насколько тогда мы можем судить (выносить решения), что агрессия есть данность, которая была включена эволюционно в онтологическую структуру человека как определённая предрасположенность? Или же предрасположенность не связана с агрессией, и она принадле-

¹⁰ Стивен Прист. Теории сознания. М., 2000. С. 21.

жит скорее случайности, той ситуации, в которой действуют силы извне? Это две крайние позиции, в равном удалении от которых, а значит посередине, находится агрессия, окутанная желаниями и интересами. Такое понимание агрессии, когда она в своей заданности предполагает желание *иметь* (нападающая агрессия) или исходит из необходимости *защиты* (защитительная агрессия) считается традиционной в проблематике агрессии. Но насколько она сегодня отвечает реалиям агрессии?

Как мы видим, и на основе нового подхода, уже с позиций бытийности и исторической перспективы, мы опять подошли к поставленным целям и задачам, связанным с веком агрессии. Действительно, какие же изменения в этой общей картине могли привести к всеохватной и всеобъемлющей роли агрессии в мире людей? Как в век агрессии раскрываются возможности бытия «для меня» и «для нас»?

Теперь, чтобы достигнуть целей, обрисованных с различных позиций, и быть достаточными прежде всего в своих суждениях (читай «решениях») о природе и метаморфозах агрессии, о том, из каких элементов и как происходил её *замес*, и что стало определяющим в характеристике агрессии надолго, если не навсегда, доведём в кратком экскурсе границы общего поля агрессии до древности и укажем здесь на *предрасположенность человека* не только к созиданию, но и к *разрушению*, которая была обусловлена проблемами выживания, а также как на исходное в агрессивном поведении. Перемещая таким образом предмет агрессии в древность, можно будет многое почерпнуть о первоэлементах архаичной агрессии, о том, как *жизненная сила* была разложена на созидательную и разрушительную в контекстах бытийности древнего человека. И как созидательное в части созидания самой жизни и продолжения рода смогло вылиться в чувство любви, а разрушительное – в полном объёме в агрессию жестокости.

Такое перемещение предмета и получение сопоставимого материала есть своеобразный методологический приём, о котором французский философ и теолог Пьер Тейяр де Шарден (1881 – 1955) справедливо писал: «*Переносить предмет назад в прошлое равносильно тому, чтобы сводить его к наиболее простым элементам*». ¹¹ При всём этом не следует забывать, что «историчность» сама по себе является фундаментальным измерением человеческого существования. И что она есть путь к установлению простейших элементов. Исходя из исторических фактов, которые, без сомнений, стали бы свидетельствовать о доминировании враждебности в мире людей, признаем, что таким простым и устойчивым элементом для агрессии будет готовность разрушать. Разрушать всё: начиная с людских отношений, творений рук человеческих, наконец, разрушать саму жизнь. Без такого урона и захвата агрессия была бы уже не агрессией, и не стоило в таком случае нападение, как принято считать, мыслить её началом и из этого исходить.

Основываясь на таком первоэлементе, как готовность разрушать, и подобрав к нему родственные элементы (нападение, враждебность, извлечение выгоды, жестокость, насилие), попытаемся выстроить агрессию как целостность, доведя её развитие до различения основных составляющих «Века агрессии». Наш основной посыл здесь будет в том, что агрессия изначально есть собирательное понятие, а потому без замеса она никак не могла обойтись в своём становлении. И что *как таковая агрессия замешена на предрасположенностях (влечениях) к разрушению и действенным началах, коими являются чувства и мысли*. Здесь началом как таковым и будет нападение, свидетельствующее о преодолении границы дозволенного. Век агрессии есть выстраивание уже новых элементов в условиях виртуальности границ и новых возможностей агрессии, определяющих её власть над людьми.

Разрушение, как общий предмет концептуального рассмотрения, начиная от предрасположенности к ней, и до её действенных начал – устойчивой склонности и абсолютизации влечений, поэтапно совмещается со своими составляющими, а также предстаёт в виде магистраль-

¹¹ Пьер Тейяр де Шарден. Феномен человека. Преджизнь, жизнь, мысль, сверхжизнь. М., 1987. С. 43.

ного пути, с которым связано поэтапное развитие агрессии в мире людей, её роли и места, вплоть до утверждения в значениях века, когда она уже властно охватывает мир людей. Здесь агрессия утверждается как родовое понятие для видовых, родственных ей по общей природе зла и нанесения урона элементов.

На магистральном пути становления не менее важными были и остаются процессы обогащения агрессии чувствами, эмоциями и мыслями, которые имеют внешнюю и внутреннюю причинность. Замес агрессии на основе чувств и мыслей, в результате которого может быть набросан план действий, является определяющим, и об этом будет сказано особо уже в первой главе книги.

Сформулированный на таких началах общий посыл указывает на то, что стремление к разрушению есть движущая сила агрессивного поведения во все времена. И что, будучи движущей силой, разрушение имеет *видимую* часть как нарушение целостности чего-либо, вплоть, а то и начиная с организма, и *невидимую* часть, как, собственно, предрасположенность и готовность к ней. Так, в период дикости предрасположенность к разрушению была обоснована во вне, она сосуществовала наряду с созиданием, опять же сообразно природной среде и окружению, ибо в суровых условиях и в противостояниях себе подобными надо было разрушать жизнь, чтобы выживать самому. Готовность разрушать, противостоя опасностям и страху, а не в угоду самоличным желаниям и удовольствию, и такое можно было бы уразуметь не только из истории, но и рассмотреть в практиках сегодняшнего дня, естественным образом вплеталась в жизнь древнего человека, выполняя также защитные функции. И здесь же, по всей вероятности, имели место поведенческие проявления, позволяющие говорить о нападении как переходе от предрасположенности к действию. Это была предрасположенность, которая в своей целостности отходила от инстинкта (простой реактивности), всё более насыщаясь чувствами, эмоциями и мыслями. Последние ускоряли процесс перехода, делали его содержательным и многозначным. Развитие агрессивного на таких началах как нападение и разрушение уже в ранний период закладывает основы общей тенденции, определяющей в дальнейшем её типизацию, причём каждый раз по-своему, в контекстах уже не только внешней, но и внутренней причинности, а также особенностей носителя агрессии. Риснём предположить, что такая агрессия могла бы быть частью бергсоновского «жизненного прорыва», также обеспечивающая продолжительность рода и порождающая эволюцию живых существ (А. Бергсон «Творческая эволюция»). И что разрушение могло быть средством для устранения преград к достигательным целям, к желаемому.

Но период ранней дикости в истории человечества завершается, когда берёт верх новый строй жизни с более организованными структурами, и тогда же на смену *архаичной* предрасположенности к разрушению неизбежно и во всей своей видимости приходит властная склонность разрушать: «*разрушить, чтобы утвердиться и обрести*». Такие склонности становятся на века основой развития жестокости и насилия в агрессии. Здесь личностная склонность к разрушениям будет сочетаться с массовостью вследствие сражений и войн. Но сама склонность разрушать может обернуться уже страстью в угоду индивидуальному «Я», и тогда глубина чувствования и реально достигаемого в разрушениях будет определяться уже видами и мерой изошрённости. Эти, так называемые, «изыски» от агрессии сопрягаются, по своей сути, также с нашими днями, и мы можем завершить наш краткий экскурс на том, что в результате многих изменений и метаморфоз предрасположенность и склонность к разрушению как условие и готовность утверждаться по жизни и власти в веках предстаёт в современном агрессивном поведении в качестве *пускового механизма* скорее уже для удовлетворения страстей и амбиций, чем для выживания и даже обогащения. Иными словами, разрушение само по себе становится целью, приближая в коей мере и сам век агрессии. Таким видится основная протяжённость агрессии: от природных начал до индивидуально задаваемых и выраженных в инте-

ресах. Но по существу могут просматриваться и другие пути-дороги, по которым отстранённо шествует всевластная агрессия, задавая людям актуальность действий и поведенческих актов.

Теперь, когда были выявлены сущностные начала и просмотрены основные этапы агрессии в мире людей (подробнее об этапах скажем позже), мы можем выделить предрасположенность и агрессивное действие сопрягающими понятиями данной проблематики, представив их полно как «предрасположенность (склонность) к разрушению» и, собственно, «агрессию» как поведение и действие. Отсюда остаётся уже одно – привести эти два понятия к общему основанию, чтобы двигаться дальше в разработке проблем агрессии, имея полный понятийный континуум агрессивного от древности вплоть до века агрессии. В этих целях доведём предрасположенность к разрушению до образа действий в период дикости и назовём это действие *протоагрессией*. Станем использовать данное понятие, понимая под ним стихийные поведенческие проявления (образы поведенческих действий), имеющие под собой силу, и в этом смысле предшествующие организованной и личностной агрессии. Правда речь здесь может идти о совмещённом образе природной протоагрессии, в котором есть разрушение, энергия и сила, но никак не то, что нам может явиться.

Чтобы в потоке мыслей и собственных размышлений об исходной агрессии над нами преждевременно не довели знания (тексты) и дискурсы об агрессивных чувствах и агрессивных мыслях, а также о причинных связях и побудительных мотивах агрессии, станем рассматривать протоагрессию в чистой форме, представив её некоей энергией, выделенной из жизненной силы. В чистой форме, потому что как таковая она исключает всякое расположение энергии, которое придало бы ей определённую форму. Здесь мера энергии не изменяет формы, она остаётся во всех случаях сама собой, как есть, а потому и пребывает чистой. При этом также оговорим, что эта энергия каждый раз с необходимостью выделяется из жизненной силы, и что сама жизненная сила была привнесена в мир людей прежде всего для выживания.

Такое, можно сказать, во многом художественно-образное постижение агрессии первоначально в образе протоагрессии, или, если хотите, вольное изложение предмета агрессии без общепринятого, без того, что могло бы быть уже предложено по её содержанию, позволит судить о предформе агрессии свободно, без тех составляющих, которыми она станет «обратять» в своей истории, и без тех факторов и причинно следственных связей, которые будут её обуславливать. Ибо все эти составляющие, факторы и связи, которые нарождаются и развиваются во времени, будут по отношению к изначальному (природному) всё же «вторичными», пусть и важными каждый раз в определении конкретного типа агрессии уже как действенной и особо *организованной силы*. Когда, скажем, агрессия ребёнка не идёт ни в какое сравнение с агрессией взрослого насильника.

Как «рукотворные» данности, объемлющие чувства и мысли, интересы и желания, они могут затруднять нам видение протоагрессии, которая в своей практической «нетронутости» со стороны различных чувств и мыслей, и, конечно же, в отсутствии намерений и воли, будет скорее стихией, *неорганизованной жизненной силой* в архаичном мире людей. Но эти же ингредиенты, и связанные с ними смысловые моменты, будут не лишними и послужат пониманию того, что подвигло эту неорганизованную жизненную силу уже на целенаправленное разрушение мира людей, и как это связано с распадом жизненной силы и выделением созидательной, творческой энергии и агрессивной энергии, направленной, прежде всего, на разрушение; как связаны периоды окончания протоагрессии и начала развития собственно агрессии, а также о том, что могло ещё сохраниться от протоагрессии и служить преемственности. К этим вопросам мы ещё вернёмся, а пока продолжим рассмотрение протоагрессии.

Укажем на разрушительную силу протоагрессии, проявляющуюся стихийно как то, что её роднило с другими стихиями и было сохранено в агрессии. Ибо протоагрессия в онтологическом пребывании отвечала своему природному предназначению так, как если бы это был ураган или какое-то другое стихийное бедствие, подобное по силе, скажем, той же повальной

болезни. Поэтому общим для стихий было и остаётся то, что они являются воплощениями определённых в своей заданности сил, и что эти силы могут явно или неявно наносить урон жизни, стать причиной бедствий и разрушений. Именно в таком онтологическом понимании протоагрессия уподобляется нами стихии и именно эта стихийность сохраняется в агрессии, проявляясь уже как ярость, безудержность и напористость без границ.

Теперь мы имеем представление о первоэлементах агрессии, у нас есть примеры того, как происходил замес основных составляющих агрессии. На такой основе можно будет высказать основные суждения о природной заданности и типизации агрессии.

4. Четыре суждения о природной заданности агрессии и основные вехи её типизации

Наши размышления о природе и метаморфозах агрессии и их сути мы попытаемся структурно выразить в виде четырёх простых суждений. В них агрессия предстанет поэтапно в своих изменённых состояниях, а сами суждения будут основываться на связях таких ключевых понятий, как «протоагрессия», «разрушение», «агрессия» и «надличностная сущность агрессии». В этой связи к месту будет замечание К. Вальверде о том, что «... понятие находится в реальности, откуда его „вычитывает“ ум. Человек не создаёт истины – он её находит, когда она выходит ему навстречу». ¹² Но, чтобы они «вышли», подчеркнём это ещё раз, надо сильно подумать. И вот что нам удалось, размышляя, «вычитать» и сформулировать в виде суждений.

Итак, наше первое суждение будет о *протоагрессии, проявляющейся в своём естестве спонтанно и порывисто как стихийная сила*. В таком качестве она послужила вместе со страхом основой для замеса архаичной агрессии. Образно говоря, протоагрессии выпало «жить» среди людей вопреки или во благо им, жить как нечто «дарованное», которое и принимается-то потому, что «есть» и «действует», как и потому, что по рождению своему протоагрессия проявлялась практически отдельно от умственных усилий и сознательной воли, выступая как неосознаваемая часть психического состояния. *А потому такая агрессия выражалась как разрушающая сила вне наличного сознания, и, соответственно, не имела собственного имени и заданных целей*.

И всё это потому, что протоагрессия имела место во времена, когда не было ещё «Я», чтобы исходить из личностных начал и смыслов. Не было и той целенаправленной жестокости и насилия, которые в будущем во многом будут связаны с «Я». Не было также многих чувств и эмоций, которые давали бы протоагрессии какие-то дополнительные силы по ситуации, кроме чувства страха за жизнь. Да и потребности телесной жизни ограничивались лишь необходимым, без того, чтобы расти вместе с агрессией. Поэтому не было ещё понимания того, что новые территории проживания, а также богатства следует обретать путём агрессивного захвата. Всё это характеризовало по большей части времена ранней дикости и глубокой дремучести, когда человеческие общества учились лишь выживать, и человек сам по себе был открыт агрессии, главным образом, со стороны животного мира. Очевидно, что тогда он и обучался убивать жизнь, чтобы продолжать жить самому. Его мир и скудные чувства сами по себе мало что могли дать развитию межгрупповых отношений и связей. Агрессивные действия, которыми тогда люди могли так или иначе обмениваться, будут ещё долго вызревать в лоне стихийной агрессии. В то же время агрессия как жизненная сила, осваиваясь на уровне бессознательного, могла проступать и в сознательное, давая свои всходы.

Вот об этих ростках чувствования, добавляемых в общий замес агрессии, и будет наше второе суждение. Это суждение связано с положением о развитии родственной агрессии чувств, с которыми ей придётся в дальнейшем проявляться совместно. С этим также связано

¹² Карлос Вальверде. Философская антропология. М., 2000. С. 233.

освоение волевых начал в отношениях со стихийностью агрессии. Но такое, надо полагать, не могло быть началом её подлинной истории как целенаправленной силы, последнее было скорее в чём-то другом.

Так, произрастая по истечению времени из глухого, а скорее неосознаваемого соперничества, станет давать о себе знать враждебность, которой предстояло в дальнейшем стать важной составляющей агрессии. Именно во враждебности начнут произрастать исконно человеческие начала агрессии, когда она начнёт скрытно противостоять необходимой коллективности в группе. И именно враждебность станет *ящиком Пандоры* для людского рода.

Также даст о себе знать жестокость, которая будет сближаться с агрессией, чтобы стать её неизменной частью. В целом же будут иметь место практики открытой агрессии, скажем, случаи насильственно отъёма «лучших кусков» у ближнего, и такое станет «вершиться» и «присваиваться» по праву сильного в группе. Тогда как агрессия по принуждению вне группы и коллективности будет носить спорадический характер. Само зло во всех случаях находится ещё в своей первозданной открытости и не противостоит добру и любви, так как для развития последних не было особых предпосылок. Поэтому агрессия по большей части не может разворачиваться среди событий такого порядка, она продолжает выражаться стихийно, а значит сохраняет и своё свободное хождение в мире людей.

Третье суждение будет о том, что, когда закладывалось многое в человеке, и различное выступало с необходимостью в жизненных средах, агрессия стала во многом играть роль жизненной силы коллектива. Она была различима как необходимое средство выживания коллектива. Уделом такой коллективистской агрессии также делается враждебность как противостояние межгрупповым связям. И тогда же агрессия в своих сущностных противостояниях всё более укрепляется на пути смыслов и значений, она развивается как сознательная сила, перенеся в дальнейшем свои родовые признаки в иные миры уже под собственным именем. Перебравшись, таким образом, из дикости в продвинутые жизненные миры, агрессия начинает в полной мере раскрываться в своей истории как способ обогащений и защиты. Об этом свидетельствует уже *культура владычества*, которая способствует тому, что агрессия всё время получает от неё новые импульсы для своего развития, и то, как владычество «эго» закрепляет агрессию в языке и поведенческих актах. *Именно на этих путях агрессии предстояло стать государственной силой, выразить владычество политики, а в отдалённой перспективе обрести и значения надчеловеческой сущности.*

В таких пределах и контекстах нам видится история поэтапного развития человеческой агрессии, апофеоз которой приходится на век агрессии, когда агрессия, сделав круг в своей истории уже в новом качестве, вновь становится стихией «для нас». В таком представлении культура владычества и владычество «эго» предстают центрами тяжести истории агрессии как целенаправленной силы и в таком понимании могут послужить нам объяснительными принципами. Как основополагающие понятия, описывающие развитие агрессии, они также послужат обоснованию основной идеи о том, что *век агрессии является переходом от агрессии владычества «эго» к надчеловеческой агрессии, когда процессы агрессии, связанные с поведением индивидов, выходят за их пределы.* Став завершающей силой в мире чувств и мыслей, наличествуя в своей объектности, агрессия обретает сущностные (самостоятельные) значения в отношении эго.

Как мы видим, уже в художественно-образном постижении агрессии, выявлении прежде всего биографичного в части протоагрессии, стало возможным уяснить немалое, и, в первую очередь, прояснить роль сознательного в её становлении, а также утвердиться в том, что сознательное всегда исходит из развития жизненных практик, а значит и путь развития агрессии есть путь взаимовлияний жизненных практик и сознания. При этом представляется возможным определить в общих чертах и путь, ведущий к Веку агрессии. Однако нас не покидает также понимание того, что есть кардинальные вопросы, на которые надо дать ответы. И что

для наших целей необходимо актуально и в целостной перспективе освещать природу агрессии в контекстах, важных для понимания века агрессии. Поэтому, основываясь на сказанном, выделим в первую очередь три кардинальных вопроса и попытаемся кратко на них ответить, чтобы быть в состоянии опять же продолжить наш путь.

Это вопрос о том, как на протяжении веков агрессии удавалось сохраняться как действительное. И как, переходя от коллективности и индивидуальности в состояние объектности, она могла «наращивать» новые сущностные значения? А главное, что позволяет нам уже сегодня с сознанием дела судить о Веке агрессии?

Предпошлём к ним также наши исходные положения:

– *мысль о том, что агрессия изначально выступает тёмной силой, погружённой в материнское лоно бессознательного и в таком качестве участвует в потоке жизни за выживание;*

– *что структурно вехи «тёмной силы» начинают оформляться, когда агрессия достигает сознания человека, сохраняясь, однако, и в состоянии бессознательности;*

– *то, что двойственность, выражаемая прежде в бессознательных и сознательных актах, становится, таким образом, сущностным определением агрессии, её проявлением как в импульсивных формах, так и в сознательных действиях;*

– *переход от односторонней, «чистой» бессознательности к двойственности в агрессии мог означать также начало её восхождения в мире людей, связанного главным образом с сознанием.*

Какие доводы к сказанному могли бы быть здесь уместными? И как опредмечивание агрессии сказывалось на её развитии?

Прежде укажем на тот бесспорный факт, что, осознавая агрессию как жизненную необходимость и средство достижения целей, люди уже с архаических времён начинают опредмечивать её, не довольствуясь лишь возможностями «силы рук и тела». Важно было всячески развивать и довооружать агрессию, чтобы наносить во вражде как можно «большой» урон, помятуя, что в те времена опредмечивание агрессии было началом коллективного выживания. Так, согласно современным антропологам, человек, *Homo sapiens*, в борьбе с неандертальцами (есть предположение, что неандертальцы были промежуточным видом, звеном перехода к человеку), уступая им в физической силе и ближнем бою, изобрёл орудие для метания камней на расстояние. *Таким образом, захватническая агрессия, наносящая урон жизни, уживалась одновременно с агрессией как необходимостью защиты жизни.*

Однако принципиальным в дальнейшем опредмечивании агрессии и придании ей новых смыслов было то, что в сообществах людей орудия агрессии стали делать более конкурентными в борьбе с себе подобными, их целью стало усиление возможностей агрессии прежде всего в захватнических целях. Это был постоянно усиливающийся и возрастающий по способам и сложности процесс в истории человечества. Со временем агрессия, «слившись» с орудием «тотальной смерти», устойчиво обрела, наконец, объектный характер, стремясь окончательно стать средством утверждения глобального господства. И похоже, что это удалось, если иметь в виду ядерное оружие как высшее и окончательное решение в опредмечивании агрессии. Но одновременно с этим получилось и другое.

Отсюда наше четвёртое суждение о том, что агрессия вышла из своей природной заданности и возможностей, и что она стала во много крат сильнее и теперь противостоит уже всему миру, грозя окончательно его разрушить, содвинув на такое людей. Одновременно нам надо иметь в виду и полное слияние агрессии с массовой жестокостью. Это новое *качество* в жизни и поведении агрессии, пусть и выраженное скорее в метафорической форме, позволяет нам уже говорить о *Веке агрессии*. Дополнением нашего общего посыла здесь будет то, что, обретая такую силу и повсеместное распространение в мире людей, агрессия стала самостоятельной сущностью вне её носителя, будь то личность, группа или государство. Агрессия теперь

живёт и властвует над людьми как *надчеловеческая сущность*, она определяет чувства и мысли людей, действенность и накал враждебных форм существования.

Итак, переключаясь из сферы бессознательного в сознание, развиваясь в своих контрконструктивных формах как орудие, агрессия непомерно возвысилась, обретя все признаки надчеловеческой сущности.

В обосновании такой позиции для начала сопоставим агрессию как «свободную от носителя довлеющую силу» с общественным мнением, но не в плане того, что последнее может быть агрессивным или пассивным, а в понимании общего, которое, имея в основе единичное, освобождается от него в определении своей сущности. Так, общество как совокупный человек, мнение которого многократно усилилось и выразилось в общественном мнении, есть самостоятельная сущность, к которой апеллируют и в различных целях изучают как нечто производное от социальной жизни. В этом смысле общественное мнение свободно от мнений отдельно взятого индивида и развивается оно по своим законам. То же самое стало характерным для века агрессии, где властвуют надличностные сущности агрессии.

Действительно, агрессия всегда была значима своей сущностной стороной. Агрессия не религия, но она всегда присутствовала и присутствует в ней; агрессия не политика и не идеология, но она также устойчиво присутствует в них, то же самое можно сказать и о культуре в целом. Практика воспроизводства этих и других видов агрессий, теснота их связей могли приводить со временем к образованию неких целостностей. Ныне они предстают определёнными сущностями Века агрессии и в этом смысле задают тон повседневной жизни, мировой политике, межгосударственным отношениям и связям уже в надличностном смысле.

Агрессивные сущности мы станем понимать, как скопления агрессивных выбросов, которые достигли состояний, позволяющих возвращаться в мир людей в виде надличностных сущностей (готовых форм). Это, прежде всего, сущности политической, военной и криминальной агрессии. Таким образом, агрессия, запущенная в жизненное пространство различными путями и способами, объективированная в общей истории, возвращается человеку властной силой агрессивных сущностей, став в своём развитии надличностной сущностью. Как уже надличностная сущность она продолжает «питаться» выбросами человеческой агрессии, и большая доля здесь приходится на политическую и криминальную агрессию. Агрессивная риторика политиков различного уровня и всяческие криминальные действия служат тому.

В этих значениях век агрессии, где властвует надличностная агрессия, рассматривается как смыслообразующее понятие введения к новой парадигме агрессии. О важности конструирования такого понятия в принятых здесь значениях свидетельствует прежде всего то, что агрессия с применением новейшего вооружения может нести смерть глобально, а то и положить конец существованию людей в мире, и новая ядерная доктрина США, увеличивающая ядерные риски, может послужить тому подтверждением.

В силу такой вероятности и исхода может говорить то, как ускоренно укрепляются механизмы запуска человеческой агрессии, как и то, что они включают уже не только традиционные чувства: месть, обиду, страх и тревогу, или конфликт интересов и выгоду. Механизмами запуска агрессии, и это следует особо подчеркнуть, становятся сами по себе *амбициозность* и *вседозволенность «сильного»*. Агрессия века приближает их к себе, оставляя на вторых планах даже злобу, желание иметь и раздражительность. Одновременно с этим мы видим, как силы сдерживания мимикрируют и сами начинают рядиться в тогу агрессора. Ведь теперь стыд и совесть, право и закон, да и сама целесообразность всё более и более оттесняются на обочину жизни, и в поле активных человеческих действий и взаимодействий, по существу, начинает властвовать всепоглощающая агрессия. *Это ли не есть смена права сообществ на право силы в мире и, одновременно, демонстрация века агрессии, в котором агрессия выступает как надличностная сущность?*

Мы начали вести разговор о Веке агрессии с необходимости застраивания новой территории под неё в проблематике агрессии и высказали ряд суждений о протяжённости агрессии, о том, что разрушение есть её движущая сила, не сказав и не прояснив при этом того, *«что есть что»* в сущностном понимании агрессивного поведения. Поступая так в вводной части, мы рассчитывали на известную осведомлённость нашего читателя. Однако таких сведений общего характера будет явно недостаточно для понимания и принятия поставленных проблем. Потребуются специальные знания, и, в первую очередь, поведенческих наук, чтобы судить об истоках человеческой агрессии, о том, что определяет ныне её устойчивые проявления в сферах жизни. И потом, надо также понимать, что при поверхностном взгляде не представляется возможным полно говорить о вековой значимости агрессии, что является крайне важным, как уже подчёркивалось, для нашего изложения. Поэтому попытаемся чётче прояснить такие основополагающие вопросы, как: *что есть агрессия, какова её природа и функция? Какие силы вызывают и обуславливают агрессию? Почему люди в своей жизни не могут обойтись без того, чтобы не быть агрессивными? Связана ли агрессия с инстинктами или она социально детерминирована? И почему чувства в своей исходной части стали в большей мере апеллировать к агрессии?*

Так, к примеру, тревога уже не находит забвения в печали, а устремляется к агрессии, не говоря уже о зависти или обиде, которым давно проложена дорога к ней. *Наконец, если рассматривать агрессию как продукт интеграции индивидуального и социального, то что здесь будет определяющим?*

Важно показать, как многое из сказанного объясняется в классической и современной литературе по агрессии, и каким будет здесь наш обобщающий подход. Ибо без разъяснения выделенных вопросов, составляющих вводную часть проблематики агрессии, станет затруднительным понимание жизненности, устойчивости и многообразия современных форм агрессии, так и объяснение роста её активности и всеохватности, определяющего ныне терроризм, экстремизм и криминальность. А главное, тот непреложный факт, что количественный рост агрессии ведёт её неотвратимо к качественной определённости, когда она уже, по существу, становится явной *характеристикой века*.

И здесь же кратко сформулируем обсуждаемые в книге проблемы агрессии, связанные с традиционным подходом и пониманием Века агрессии. Но прежде заметим, что имеются два основных подхода в понимании и определении агрессии. В одних авторы исходят из того, *«что вызывает агрессию»* (инстинкт или социальное); в других – что *производит агрессию* (здесь, однозначно, урон, как физический, так и вербальный). И есть третьи интеллектуальные силы, которые пытаются их совместить. Мы же станем исходить из позиции *«что есть что в агрессии, выявленное в традиционных подходах, и что есть что в агрессии, связанное с пониманием века агрессии»*.

В традиционном понимании, *агрессия – это, прежде всего, особый тип человеческого поведения (что), сущностью которого является нанесение субъектом агрессии (личностью, группой, государством), в первую очередь физического урона другому или множеству людей (есть что). Сюда же входит вербальный урон, осуществляемый на личностном уровне и больших масс людей (есть что)*. Последнее имеет место, главным образом, в пропагандистской войне с использованием СМИ. Вопрос в том, что то, что вызывает агрессию, на наш взгляд, есть особый исследовательский вопрос, и на него надо отвечать, не загроужая определение агрессии. Забегая, опять же вперёд, отметим, что для нас истоки агрессии, то, что её вызывает, есть вопрос интегральности агрессии. Нам предстоит окунуться в проблематику агрессии, находить там аргументы «за и против» в вопросах её интегральности и выстраивания новых положений согласно пониманию «Века агрессии» и его определения.

Придерживаясь истории вопроса, разберём вначале сам термин *агрессия*, и здесь этимология слова поможет нам прояснить, какие действия способствовали возникновению данного понятия и в какой мере они (эти действия) сохранили свои определяющие значения.

Слово *агрессия* (от лат. *aggredere* – приблизиться) у древних означало вторжение (приблизиться, чтобы напасть и захватить чужую территорию и получить из этого ожидаемые выгоды и богатства). Такие действия в массе своей сопровождались разрушениями, захватом и уничтожением имущества, жестокостью и насилием. Надо полагать, что со временем весь этот груз зла не мог не осесть в языке вместе со словом *агрессия*. А коллективное сознание и развивающиеся насильственные практики в ещё большей мере способствовали её широкому использованию и распространению. Агрессией стали называть класс явлений, присущих определённому типу поведения, где главным было напасть, переступить запретное (что само по себе уже является агрессией) с тем, чтобы нанести урон. Так возник шаблон агрессии, удобный для словоупотребления в различных контекстах, связанных с политикой государства, поведением человека и группы.

Однако для выявления сущности агрессии, формализации её как научной категории потребовались уже годы усилий многих учёных. Благодаря философам, социологам, юристам и в большей мере психологам, данное понятие обыденного сознания и враждебных (межгосударственных) практик было наполнено рациональным содержанием, отражающим взгляды исследователей на предмет его изучения. Ныне существует огромная литература,¹³ где агрессия представлена доминирующей силой, источником существования которой по праву считается не только сам человек, но и среда. Однако полной ясности по поводу природы и детерминации данного феномена пока нет. Так, соглашаясь с тем, что агрессия – это сила (сущностная характеристика), одни считают её обусловленным свойством человека и подчёркивают её инстинктивно-генетический характер (фрейдистская традиция). Другие полагают, что это обычная жизненная сила, которая, проявляясь в определённых условиях действия раздражителей (стимулов), получает специфическое звучание и окрас (бихевиористская традиция). При этом психологи, рассматривая агрессию, делают упор на субъективное (внутреннее) начало, а социологи – на объективное (внешнее). Если для первых источником агрессии в большей мере является внутренний мир (инстинкты, психологические процессы), то для вторых – внешние факторы среды (масс-медиа и др.). Следует также отметить, что в силу складывающихся в мире обстоятельств, агрессия, как фактор насильственных изменений в мире, должна вызывать особый интерес в международном праве. При том, что здесь правовая разработка проблем агрессии в межгосударственных отношениях отстаёт от существующих практик, и потребуются принципиально новые интеллектуальные усилия, чтобы она была на уровне велений времени.

Не менее важным по значимости будет роль базы агрессии во внутренней жизни человека, то, что мы назвали *агрессиумом* как социально-биологической составляющей агрессии, которая, имея биологическую основу, в процессе социализации индивида развивается и обогащается социальными признаками и опытом агрессивных действий. В таком качестве *агрессиум* служит агрессии прежде всего как резервуар, механизм запуска и воспроизводство паттернов агрессивного поведения.

Одновременно надо отметить, что век агрессии в своём единстве больше говорит на основании развитости многих чувств, апеллирующих к агрессии, и чувство любви здесь не будет исключением.

Обобщая сделанные суждения об агрессии в мире людей, начатые ещё с нашего краткого экскурса, и помятуя о том, что агрессия, по существу, выражается как действие во имя зла, обрисуем схематично поэтапный путь и основные вехи агрессии от стихийной протоагрес-

¹³ Назовём одну из значительных и полных книг по агрессии – *Агрессия*. Роберт Бэрн., Дебора Ричардсон. Санкт – Петербург, 1997.

сии в древности к веку агрессии как надличностной сущности на основе ключевого понятия «разрушение». Это будут этапы и вехи с типизацией характерных черт, видов разрушений, таких как:

– *природная предрасположенность к разрушению* в период дикости как этап протоагрессии (такая предрасположенность не ведёт к насилию в современном понимании как личностно окрашенному, разрушение происходит по естеству, как если бы это имело место в мире животных);

– *властная склонность к разрушению*, как этап, протекающий во многих веках от древности (на этом этапе утверждается имя собственное «агрессия» как нападение в введении войн и обогащаются действенные, захватнические возможности самой агрессии);

– *угроза разрушения мира агрессией* в век надличностной агрессии, как этап всепоглощающей агрессии, независимой от воли субъекта, но при сохранении его как носителя и жертвы.

Каждый этап вбирает в себя «сгустки» проблем, но не все даже поставленные проблемы удастся нам в полной мере осветить, однако те вопросы, которые определяют существо авторского подхода и связаны с понятиями, раскрывающими смыслы и значения века агрессии в контекстах, прежде всего, надличностных сущностей агрессии, чувств и мыслей, мы постараемся исполнить в должной мере. Для этого нам понадобится прояснить в истоках агрессии те сущностные моменты, которые по смыслу связаны с достижениями целей. Отчасти мы начали их различать, когда вели речь о переходе от предрасположенности разрушать к действенным началам, связанным с нападением. И тогда же было показано, что разрушение как смыслообразующее агрессии начинает входить в свою активную фазу, когда уже не готовность, какой бы она ни была, а фактически само нападение определяет её суть как действие. И что, получив возможность разрушать, агрессия будет отдаваться в полной мере своей природе. Правда и в том, что в своей действительности сложно будет различать нападение от разрушений, чувства от мыслей, потому что их в равной мере объемлет и станет выражать то, что можно было назвать природой агрессии, а точнее «действием во имя зла». И не это ли предрекали классические теории агрессии, показывая агрессию силой «на вырост»? И не эти ли мысли должны получать своё развитие в новых теориях? Мы станем рассматривать эти вопросы, исходя из классических и современных теорий агрессии, определяясь, одновременно, и со своим авторским подходом.

5. Классические теории агрессии (З. Фрейд, К. Лоренц и Э. Фромм) и их развитие в психологии и социальной психологии

Следует начать с теории агрессии Зигмунда Фрейда (1856 – 1939), чьё творчество, вылившееся в учение психоанализа, своеобразного симбиоза научности и художественности, стоит особняком в истории психологической науки уже в силу определения бессознательного как источника поведенческих актов, и многого из того, что должно было этому послужить. Фрейд мог умело сочетать научность с художественностью, а последнюю делать не только объясняющим фактором, но и выразительным средством.

Известно, что таким образом кроме своей знаменитой теории либидо, Фрейд создал и парадигму агрессии,¹⁴ по лекалам и супротивно которой создавалась гуманистическая теория Эриха Фромма, а также разрабатывалась фрустрационная (Л. Берковец, Дж. Доллард, Басе) и прочие концепции агрессивного поведения. Сам Фрейд сформулировал сугубо *инстинктивистскую теорию агрессии* как органическую часть своего психоаналитического учения, где указал прежде всего на неиссякаемую силу агрессии и её близость к смерти. И мы это понимаем так, что агрессия обречена выходить победительницей в противостоянии с либидо, ибо

¹⁴ См. работы «По ту сторону принципа удовольствия», «Я и Оно». В кн. Зигмунд Фрейд «Я и Оно». Труды разных лет. Книга 1. Тбилиси., 1991. «Недовольство культурой». В кн. Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992.

всё завершается «в смерти», которую агрессия предрекает, в стремлении человека вернуться в состояние неорганики. Правда, самому Фрейд было бы сложно в этом признаваться, ибо движущей силой его психоаналитического учения было либидо, половой инстинкт, порабащивший все другие инстинкты человека. Но с позиций существа Века агрессии всё выглядит иначе, поэтому мы полагаем, что агрессия всё же берёт верх над либидо.

В противостоянии агрессии и либидо мы прежде исходили из того, что в психоанализе поведение человека определяется множеством неосознаваемых инстинктов, среди которых Фрейд выделяет две основные группы: инстинкт жизни (*Эрос*) и инстинкт смерти (*Танатос*). Они находятся в постоянном напряжении, противостоянии друг другу как силы любви и вражды, созидания и разрушения, добра и зла. Движущей силой Эроса является либидо, а движущей силой Танатоса – агрессия.

Инстинкт жизни служит самой жизни, её сохранению, упрочению и развитию (размножению), что достигается за счёт сексуальной энергии *либидо*. *Инстинкт же смерти* служит мёртвому, пытается разрушить организм, низвести его в состояние «неорганики», что отвечает естеству организма, стремящегося вернуться в своё первоначальное существование – вернуться в неорганический мир. Такое достигается на основе агрессии. В борьбе двух сил – Эроса с Танатосом, на помощь Эросу приходят другие психические структуры (механизмы смещения и пр.), которые направляют разрушительную силу Танатоса от «Я» во вне, на других. Если инстинкт смерти вступает во взаимодействие с сексуальностью, то это находит выражение в *садизме* (причинение боли и страданий другим) и *мазохизме* (причинение боли и страданий себе), последнее, правда, воспринимается должным образом как удовольствие. В повседневной жизни агрессия в своих мягких формах рассматривается скорее, как разрядка напряжения и освобождение чувства тревоги, страха и беспокойства.

Таким образом, агрессивная энергия (импульс, влечение) как нечто «вмонтированное» природой в организм с целью его разрушения и возврата в состояние неопределённости, согласно Фрейд, проявляется в основном как действие агрессора (субъекта), наносящего вред другому (объекту), жертве агрессии. Эта разрушительная сила неудержимо стремится вырваться наружу, она не подчиняется воле человека, а следовательно и не управляется. Последнее обстоятельство, звучащее как вердикт, существенно снижает эвристическую и практическую ценность теории Фрейда. Получается, что человек агрессивен по своей природе, и тут уже ничего нельзя поделать. Но с таким выводом можно согласиться лишь по отношению к инстинкту как части агрессии. Агрессия же в общей сложности есть *интегральное явление*, в неё входят и другие составляющие, посредством которых представляется возможным воздействовать на агрессию в целях управления и контроля. При всём при том мы не можем так однозначно судить уже в силу того, что происходит в мире и как воцаряется «Царство агрессии». Но не зря Фрейд в аллегорической форме говорил о Танатосе как стремлении человека к смерти. И это, возможно, было его предупреждение людям о том, агрессивная энергия окончательно выйдет из-под власти человека и захватит мир людей. И что в своём стремлении сохраниться человечеству уже некуда будет сбрасывать свою агрессивную энергию.

По мнению Конрада Лоренца (1903 – 1989) – известного этолога, одного из основоположников науки о поведении животных, человеческая агрессия точно так же, как и влечение у Фрейда, имеет биологическое происхождение, питается из постоянного энергетического источника и не всегда является результатом реакции на некое раздражение. Однако у Лоренца агрессия – это не инстинкт разрушения, как у Фрейда, а инстинкт как движущая сила борьбы за выживание и адаптацию организма к социальной среде. Если так, то как быть с разрушительными войнами, с массовой жестокостью и насилием? Сам учёный связывает это с нарушением функций инстинкта агрессии, который в принципе должен был бы поддерживать жизнь, а он её разрушает. И виной тому, считает Лоренц, являются издержки культуры, которые давят на человека и не дают осуществляться естественному выходу агрессивной энергии. Решение

этой проблемы учёный видит в разрядке агрессивности на замещающий объект. «*Переориентирование агрессии*, – подчёркивает К. Лоренц – *это самый простой и самый многообещающий способ обезвредить её. Она довольствуется замещающими объектами легче, чем большинство других инстинктов, и находит в них полное удовлетворение*»¹⁵.

Если Лоренц прав, то среди спортсменов, к примеру, не должно быть насильников, ведь они имеют возможность в спортивных тренировках и состязаниях давать выход своей агрессивной энергии естественным путём. Увы, но это не так (спортивные навыки всё чаще используются в рэжете, насильственных действиях), а значит одних усилий по переориентировании агрессии будет явно недостаточно, чтобы искоренить насилие.

Видный автор, создавший *теорию социального научения*, противостоящей теориям инстинкта Фрейда и Лоренца, был Альберт Бандура (1925). В теории социального научения¹⁶ пути умаления значимости и распространения агрессии в большей мере определены. Согласно данной теории агрессия – это результат научения посредством простого наблюдения. Здесь важно прежде обратить внимание на саму агрессию, затем сохранить такое наблюдение в памяти и суметь впоследствии воспроизвести её, то есть агрессивное действие. Так, человек в процессе социализации агрессии видит, наблюдает и берёт на вооружение образцы агрессивного поведения. Бандура особо обращает внимание на то, что в процессе социализации агрессии важен поощрительный момент со стороны родителей, ближайшего окружения.

Так, используя в полной мере результаты своих наблюдений как инструменты целедостижения, человек надеется получить желаемое или избавиться при необходимости от неприятного и даже опасного. В таком понимании агрессия представляется нам всё же более управляемой. Ведь с «вывихами» социализации, если они есть, можно что-то делать и как-то бороться. В то время как с «плохими» генами пока ничего не поделаешь, их просто нельзя изменить (сегодня это всё ещё находится за пределами возможного).

Есть ещё одна крайняя позиция на понимание роли агрессии. Дело в том, что ряд исследователей особо настаивают на позитивных началах агрессии, считая её жизненно необходимой доминантой. Человеку без агрессии нельзя, убеждает нас пространно Ролло Мэй, так как она служит жизненным ценностям, способствует самоутверждению и самоуверенности.¹⁷ Мы бы не стали на этих аргументах так настаивать. Есть и другие авторы, которые вообще оспаривают данный тезис, полагая, что такая «оправдательная» позиция может вести к спонтанной легитимизации агрессии. Да и потом, кто станет определять позитивность агрессии? Правда в том, что человек имеет право на защиту, однако, если защиту он берёт в свои руки, то надо ещё доказать в правовом порядке, что это была защита.

Более полному и обстоятельному анализу феномен агрессии подвергнут в работе Эриха Фромма (1900 – 1980) «Анатомия человеческой деструктивности». Исследование агрессии здесь ведётся комплексно, с широких социально-философских позиций и с использованием теории Фрейда и новейших данных нейрофизиологии, психологии животных, палеонтологии и антропологии. Фромм пытается преодолеть ограниченность различных психоаналитических, психологических и социобиологических концепций. Философ занимает примирительную позицию по отношению к двум основным парадигмам агрессии: инстинктивистской, возводящей всё разрушительное в человеке к животному началу, и бихевиористской, выводящей деструктивность из социальной среды. Человек – существо биосоциальное, он одновременно и биологический индивид, и личность как представитель конкретного социума. Отсюда, действительно, было бы верно агрессивное поведение связывать с двумя началами: врождённым (внутренним) и социальным (внешним), рассматривая это как методологический прин-

¹⁵ Конрад Лоренц. Обратная сторона зеркала. Так называемое зло. М., 1998. С. 235.

¹⁶ Альберт Бандура. Теория социального научения. Санкт – Петербург, 2000.

¹⁷ См. Ролло Мэй. Сила и невинность. М. 2001. С.44 – 46.

цип в исследовании агрессии. В этой связи Фромм предлагает различать два совершенно разных вида агрессии: *доброкачественную* (оборонительную) и *злокачественную* (деструктивную, жёсткую). Первый вид роднит человека с животными и выполняет биологическую функцию защиты организма; второй – деструктивность, присущ только человеку и является продуктом социума. Фромм особо подчёркивает, что только человек является убийцей в отличие от животных. В соответствии с этим он вводит такие понятия как «биофилия» и «некрофилия». *Биофил* стремится ко всему живому, растущему, а *некрофил* – к мёртвому, механическому, разлагающемуся. Яркий пример некрофила – Гитлер, чья деструктивная личность подробно анализируется Фроммом в названной выше работе.

Предложенные Фроммом понятия теории агрессии, несомненно, являются броскими, яркими и легко запоминающимися, что и делает их приемлемыми при структурировании и типологии данного явления. Однако они мало что дают для разработки проблемы контроля и управления агрессией. Кроме того, возникают вопросы: если доброкачественная агрессия станет в целях защиты также использовать всё то, что обозначает агрессия, то будут ли в этом случае какие-то ограничения? Так, при освобождении заложников (доброкачественная агрессия) одновременно погибают жертвы насилия и сами похитители. Понимать ли это так, что доброкачественная агрессия перешла вдруг в свою противоположность и стала злокачественной по отношению к жертвам? Думается, что здесь сложность объяснения связана с понятием «доброкачественная агрессия». Агрессия просто по природе своей не может быть доброкачественной. Да, агрессия может быть ответной по принципу «око за око» или «зуб за зуб», но от этого природа её не меняется, она продолжает оставаться разрушительной силой, и определение «доброкачественная» здесь явно будет не к месту. Ведь есть же другие понятия, противоположные агрессии.

Создатель индивидуальной психологии Альфред Адлер (1870 – 1937), то есть единой и неделимой психологии личности, ибо сам человек един в своей психической жизни, определяет агрессию, агрессивную устремлённость как желание преодолеть чувство неполноценности.¹⁸ В последующем Адлер использует уже понятие «борьба за власть» или «стремление к превосходству», в которых мы также угадываем присутствие агрессии как средства достижения власти. Преодоление комплекса неполноценности, борьба за власть и стремление к превосходству нуждаются в особой силе, и такой силой является агрессия. Прочтение автора в таком ключе, отслеживая агрессию, будет близка и понятна здравому смыслу и будет в большей мере говорить о реальной значимости агрессии.

Сторонники бихевиористских теорий, а они, надо заметить, ближе всех подошли к исследованию социальных практик агрессии, считают, что агрессия, как и другие формы поведения, является благоприобретённой и определяется взаимодействием человека и среды. Так, в *фрустрационной теории* Дж. Долларда утверждается, что агрессивное поведение возникает как реакция на *фрустрацию* (блокирование целедостижения) и, следовательно, фрустрация, как правило, равняется ожидания минус достижения. Она усиливается, когда наши цели имеют сильную мотивацию, когда мы ожидаем получить «нечто», а нам чаще всего достаётся «ничто». Если исходить из этой теории, то в современной России, скажем, все пенсионеры сплошь и рядом будут фрустрированы. Потому что они ожидали по праву иметь в старости безбедную жизнь, а получили жалкое существование. Однако фрустрация – это не просто депривация, лишение чего-либо, а результат, как утверждают социальные психологи, *сравнительной депривации*. Только сравнение с чем-то может способствовать обращению фрустрации в агрессию. Если, к примеру, наш пенсионер, проработавший всю жизнь на благо общества, сравнит своё существование с материальными возможностями молодого менеджера, преуспевающего на ниве посреднических услуг, то надо полагать, что на этом печальном для него фоне дрем-

¹⁸ См. А. Адлер. Понять природу человека. Санкт – Петербург, 1997.

лющие силы, вызванные фрустрацией, могут при известных обстоятельствах перейти в «*ползучую агрессию*» (раздражение, неприязнь, злобный взгляд) или косвенную агрессию (клевета, сплетни и пр.). Для других, более активных форм (например, физической агрессии) у нашего пенсионера, скорее всего, не будет сил.

Следует также отметить, что в отдельных случаях фрустрация вообще ведёт к состоянию дремлющей агрессии. Так, сталкиваясь на рабочем месте с блокированием возможностей служебного роста, не получая ожидаемого повышения, человек болезненно реагирует на несправедливость со стороны руководства. В такой ситуации он может впасть в состояние так называемого «*карьерного анабиоза*», для которого характерны застой, отсутствие всякого желания что-либо делать в плане трудовой активности. Однако при определённых обстоятельствах такой человек может выйти из своей вынужденной «спячки» и начать проявлять агрессивность. Апатия сменится тогда активным негодованием по отношению к своим недоброжелателям. В приведённых примерах значимой будет уже не столько фрустрация, взятая сама по себе, а сколько ситуация, в которой имеет место элемент социальной несправедливости. При всём этом, конечно же, играет роль и характер человека, и то, как он станет интерпретировать факты, его эмоциональная сдержанность, материальные условия и прочее.

Известный психолог Леонард Берковец¹⁹ в своей модификации теории фрустрации обращает внимание именно на эти обстоятельства. Он исходит из того, что схема фрустрация (внешние условия у Дж. Долларда) – агрессия срабатывает лишь тогда, когда есть эмоциональная реакция (гнев) и соответствующая интерпретация фрустрирующей ситуации. В последующем и эта концепция была уточнена и расширена (Басе и др.) за счёт включения в концептуальную схему ряда социальных факторов (интенсивность, частота случаев, социальные нормы и др.), детерминирующих развитие агрессии.

Отмеченные нами моменты в исследовании агрессии говорят, прежде всего, о том, что в противостоянии инстинктивистской теории агрессии и социальной (в основе которого лежит давний спор по поводу того, существует ли коллективная психология или можно говорить только о психологии индивидуальной), верх одержали сторонники социального подхода. Социальным психологам удалось отстоять свою правоту, ныне это самостоятельная научная дисциплина со своим предметом исследования. Они также одержали верх в споре о сущности агрессии в том плане, что агрессия сегодня больше изучается как социально-психологическое явление, чем как явление индивидуальной психики. А значит и в объяснении причинности агрессии и её развития предпочтение отдаётся в большей мере социальному, а не индивидуальному. Эти обстоятельства могут свидетельствовать также и в пользу нашего подхода в исследовании агрессии как интегрального явления. Ведь смысл социальной психологии как научной дисциплины состоит в том, чтобы изучать феномены, которые стали возможными благодаря особому взаимодействию «психического» и «социального». Правда и сторонники индивидуальной психологии окончательно не сдались, они отстаивают свою правоту, опираясь на новые данные генетики, геной психологии, пытаясь выстраивать объяснительные теории на хромосоме агрессии, но об этом позже.

Здесь же подчеркнём ту мысль, что, будучи первоначально свойством элементарной живой системы (биосистемы), агрессия в процессе длительной эволюции приобретает черты интегральности, ибо вбирает в себя особенности нарождающейся психической и социальной жизни. Поэтому вполне справедливо, что современная агрессия, остающаяся в главном причастной своему прошлому, должна как целостность рассматриваться с позиций интегрализма, объединяющего различные направления и традиции в исследовании данного феномена. В этой связи открываются широкие возможности для междисциплинарных исследований с участием прежде всего таких дисциплин, как эволюционная и социальная психология. Если эволюцион-

¹⁹ Леонард Берковиц. Агрессия. Причины, последствия и контроль. Санкт – Петербург, 2001.

ная психология изучает влияние биологической эволюции на развитие и формирование агрессивных черт личности, то социальная психология исследует агрессию как феномен жизненного мира.

6. Ещё раз об авторском видении: симбиоз художественности и научности. Об интегральности и смыслоагрессии

Наше авторское видение, о котором мы, по существу, уже начали говорить, имеет много общего с традиционной проблематикой касательно вопросов содержания, видов и смыслов агрессии, и основано оно на круге понятий, принятых в литературе. Но, как было показано выше, принципиально важным для наших целей является особенное, то, что связано с метаморфозами агрессии и говорит о становлении и развитии в век агрессии надличностных агрессивных сущностей, что потребовало уже от нас введения и разработки такого понятия. Такое нововведение в понимании и теоретизировании века агрессии, призвано было указать на самостоятельность агрессивных сущностей, укрепившихся в индивидуальных и коллективных сознаниях.

Для обоснования данной позиции и создания целостной картины Века агрессии использовались элементы *художественности*, за отсутствием прежде всего фактов, выверенных наукой, и *научности*, в соответствии с имеющимися в науке данными. Против такого симбиоза художественности и научности, конечно же, будет не сложно возразить, имея на то желание, подкреплённое позитивистской ориентацией. Однако не станем спешить, ибо такой симбиоз как совмещённый способ познания имеет свою логику и историю, которая убеждает нас в обратном. Как известно, таким путём шёл в своих поисках истины Фрейд, органически сочетая художественность (вымыслы, научные мифы) с научностью. Художественность, прежде всего, позволяла Фрейду закрывать лакуны незнания, и здесь ему не было равных. Так, воссоздавая по-своему картины агрессии, отцеубийства, обосновывая роль либидо в психоанализе, Фрейд доводил художественность до научной выверенности, а последнюю (науку) раскрепощал, предоставляя свободу от старого и отживающего. Это пример удачного симбиоза, когда ученый создаёт художественные вымыслы, картины для целостности и убедительности своих идей, научных представлений. Художественность, таким образом, служит научности, она является как бы условием, фактичностью к её доказательности.

Но здесь важен взгляд и самого художника, *«который чувствует, – пишет Освальд Шпенглер, – как окружающий нас чувственный и осязаемый мир сполна растворяется в глубокой бесконечности таинственных связей»*.²⁰ Вначале чувства рождают образы, в которых мы, несомненно, обнаруживаем живую мысль, способную вновь и вновь оплодотворяться. В таком случае художественность уже пролагает путь к научности.

С позиции «вечного возвращения» и «сверхчеловека» проблему соотношения «художественности» и «научности» решает Ницше. По этому поводу Рудольф Штайнер (1861 – 1925), основоположник антропософии и исследователь творчества Ницше, писал, что *«он стремился vybrаться из научного и ближе подойти к действительности посредством художественного душевного настроения ближе, чем можно подойти к действительности посредством науки»*.

²⁰ Освальд Шпенглер. Закат Европы. Новосибирск, 1993. С. 229.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.